

An aerial photograph of a city street, likely in Moscow, featuring a prominent skyscraper with a spire in the background. The street is filled with cars and a bus, and the sky is a clear blue.

Валерий Большаков

Искусник

16+

Валерий Большаков

Искусник

«Автор»

2021

Большаков В. П.

Искусник / В. П. Большаков — «Автор», 2021

Он считал "попаданцев" глупцами. И вот - сам попал в "эпоху застоя". Его силком перебросили в прошлое, разлучив с любимой. Антон - художник. Он поклялся себе, что не будет спасать СССР, зато добьется славы. Антон даже не представляет себе, какие сюрпризы заготовила ему новая судьба...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Валерий Большаков

Искусник

Валерий Большаков

ИСКУСНИК

ПРОЛОГ

- Ой, пульса нет! – испуганно пищит девушка. – Мы его теряем...
- Молчать! – врывается властный мужской зык. – Сестра – искусственное дыхание! Егорыч – непрямой массаж!
- Есть, командир, – уверенно басит некто третий.
- Ой, фибрилляция!
- Т-твою ж мать... «Утюжки» над сердцем и слева! Быстро!
- Готово!
- Разряд!

Голоса доходили до меня, словно через толстую вату, наплывая медленно, растянуто... Как облака. Облака?..

Всё вокруг затянуто паром или туманом – тусклый свет сочится отовсюду, и не видать в белёсом мареве даже намека на тень.

Я лежу или стою? Не понять. Вишу, может? А что, похоже... Не чувствую под собой ни мягкой постели, ни жесткого стола. Зато всего переполняет совершеннейшее, непередаваемое спокойствие – я равноудален от горя и радости, не ведаю ни страха, ни тревог.

Странно... От холодных касаний дефибрилляторов мое тело должно выгибаться трепещущей дугой, а я застыл, будто в детской игре «Фигура, замри!». Ага, отошел тихонько в стороночку – и слежу извне за потугами врачей...

- Еще разряд! – пыхтит упорствующий Егорыч.
- Хватит, – глухо роняет старший. – Пульса нет.
- Мы его потеряли... – шепчет девушка, поражаясь неизбежному.

Туманец вокруг меня загустевает, как сизая грозовая туча, набухает пугающей чернотой, и свет гаснет.

* * *

Я очнулся от холода. Окоченел совершенно, лежа на твердом и ледяном. Меня с головой покрывала тонкая линиялая простыня. Задубевшая рука вяло стянула ее с лица, и я прижмурился.

Слезившимся глазам открылся низкий, ощутимо давящий потолок с выступавшими балками, густо замазанный светло-голубой краской. Сквозь ее натеки проступал грубый сварной шов.

Как рассерженные шмели, зудели, изредка помаргивая, белые неоновые трубки. Глухо подвывала вытяжка, брэнча разболтанной крыльчаткой.

«Куда это меня?..» – оклемалась мысль.

В носу защекотало от резкого запаха лизола. Содрогнувшись, я чихнул, и стальное ложе шатнулось подо мною, отзываясь жалобным дребезгом.

«Это не палата... – сомнения пошли в рост, вяло раздувая панику. – Это... морг?!»

Покряхтывая от боли, я напрягся и сел, свешивая ноги. Не мои ноги. Отстраненно, словно вчуже, я выпрямил длинные конечности. Ровные и гладкие – лохматость понизилась. Это плюс. А вот руки... Дрожат, трясутся, еле удерживая мою новую, хотя и поюзанную тушку. Мосластые, но не мускулистые. Это минус.

Я огляделся с пробуждающимся страхом. Отделанное белым кафелем помещение заставлено секционными столами из нержавеющей стали – блестят, как надраенные. Рядом со мной на металлической столешнице пугающе бугрится застиранная серовато-белая простыня с подозрительными рыжими пятнами и черным инвентарным штампом. Уродливые желтые ступни с номерком на пальце торчат наружу.

Наклонившись, чтобы сорвать такую же мерзкую картонку с себя, я едва не рухнул – дико закружилась голова. Дождавшись, пока спадет прилив тошноты и раздраженно отбросив номерок, мелкими рывочками пополз со стола.

«Ух, как меня... – тащились мыслишки. – Не-е, надо говорить: «Ух, как его...» Били кулаками, били ногами, бейсбольными битами дубасили... Или эти деревянные еще не в моде? Ну, значит, палками охаживали, цепями... Плюсом черепушке досталось... О-ох!»

Босые ступни коснулись терракотовой напольной плитки, стылой, как в глубоком погребе. Челюсти свело, и зубы застучали. Меня всего колотило, но сил, чтобы уйти куда потеплее, не было. Иссякли. Я едва удерживал положение стоя – ноги, того и гляди, подломятся.

Запахнув простыню, как тогу, доковылял до письменного стола у двери, обитой оцинковкой. Под изогнутой настольной лампой веселенького алого цвета развалилась здоровенная амбарная книга, пухлая, как инкунабула, а на полупрозрачной перегородке из зеленоватых стеклянных кирпичей криво висела расписная подложка с тощим отрывным календарем – ни одной странички не осталось. Что, и здесь Новый год? Ла-адно...

Меня целенаправленно шатнуло к большому облупленному зеркалу, висевшему над рукомойником.

– Так вот ты какой, реципиент... – пробормотал я незнакомым голосом, грубоватым и сишлым.

Отразился чужак с узким, симпатичным, в общем-то, лицом, опухшим от недавней пьянки и синяков – левый глаз заплыл, а правый тарачился карим зрачком. Нос опух, но не сломан. Хоть какой-то позитив. Зубы... Я осторожно пошевелил занывшей челюстью, ощерился. Хорошие зубы, и целые вроде... Было неприятно шатать их языком – чужие же. Так ведь и язык не мой!

Проведя ладонью по голове, обритой наголо, коснувшись залепленного пластырем шва, равнодушно буркнул:

– Было ваше, стало наше.

Навалившись на створку, я чуть не выпал в гулкий коридор. Под ногами влажно блестел пол, выложенный виниловой плиткой, серой и кирпично-красной. А вот и местное население...

Мне навстречу шагала, переваливаясь утицей, техничка в белом халате, с ведром, помеченным размашистым «ХО», и шваброй наперевес. Узрев покойника, она выронила орудия труда и прижала розовые ладошки ко рту. Не помогло. Тонкий пороссячий визг просверлил тишину насквозь.

Не знаю, наверное, в кино это вызвало бы зрительский смех, а вот мне было тошно – и в прямом, и в переносном смысле. Погано.

Из двери напротив, отстучав каблучками торопливую дробь, выскочила молоденькая медсестра – и тоже сомлела, хватаясь за притолоку.

«Зомби, что ли, не видела?» – чуть было не вырвалось у меня, но я вовремя прикусил язык.

– Что за шум? – забрюзжал смутно знакомый голос.

Из-за угла, набычившись, вышагнул могучий доктор – и резко остановился, словно вре-
завшись в невидимую стену. Побелев, как накрахмаленный халат, он хапал ртом воздух и тара-
щил глаза на «привидение».

– Живой я, Егорыч, живой... – удалось мне вытолкнуть, качаясь у стены. Перед глазами
плыла рваная бессознательная пелена, пульсирующая в такт сердцу.

– Н-не может быть... – потрясенно молвил врач, и вострубил: – Сестра, стоять! Не падать!
Бегом за главным! Сергеевна, поможешь!

Вдвоем с причитавшей, неумело крестившейся уборщицей, он укутал меня одеялами и
взвалил на каталку. Набежали медики, шумно заспорили вперевод:

– Ожил?!

– Не будьте мистиком. Это... м-м... не воскрешение.

– Да мы даже не представляем себе, на что способны!

– Во-во... Замедлил йог сердцебиение до удара в минуту, а врач – ага, летальный исход!

– У нашего пациента могла... м-м... синусовая тахикардия развиться... м-м... сходная
с трепетанием желудочков...

Я почти не слушал людей в белых халатах – отогреваясь, впадал в дрему. Глянул, сонно
моргая, на двери с суровой табличкой «Патологоанатомическое отделение», скосил глаза – и
уткнулся взглядом в ярко намалеванную стенгазету.

Весь набор праздничной дацзыбао: елка, шарики, краснощекий Дед Мороз... И алой
вязью выведенное – «С Новым 1973 годом!»

Я попал.

Глава 1.

Горбольница, 8 января 1973 года. Перед обедом

– Значится, гражданин Пухначёв, вы не помните тех, с кем дрались в новогоднюю ночь? –
седой, весь какой-то скукоженный и усохший, майор Горбунков выглядел дедушкой из деревни,
малорослым старичком-боровичком, но взгляд его был цепок. И еще «гражданин начальник»
постоянно орал.

Пожилая санитарка, заботливо суя подушку мне под бочок, шепнула, чтобы я не боялся
Степан Иваныча. Так-то «дядя Степа» добрый, просто его на войне контузило. Вот и надры-
вается, сердешный. Всё боится, что не услышат, а связки у него – будь здоров...

– Значится, не помните! – взревел милицейский чин. – Так-так-так!

Я завздыхал, чужая противная холодок внутри. Терпеть не могу разговоров с компетент-
ными органами – не покидает меня тряская боязнь. А этот еще и акустикой давит, угнетая
сознание...

– Говорю же вам – лакуна в памяти! – сказал я прочувствованно. – Да и какая там драка...
Вон, даже костяшки не сбиты! Отметелили, как хотели, и ушли. А кто, за что... – мои плечи
изобразили опасливое, кривоватое пожимание, лишь бы не разбудить боль в сломанных реб-
рах.

– Ясно! – гаркнул чин, и усмехнулся, повел седыми усами. – Вы уж извиняйте мою при-
ставучесть... э-э... Антон Павлович. Служба такая! А тут, как-никак, покушение на убийство
вырисовывается! Дело серьезное. Уголовное дело!

– Так вы из МУРа? – мои брови уважительно полезли вверх. Вернее, полезла правая
бровь, а левая лишь чуть шевельнулась – опухоль на пол-лица спадала медленно.

– А у тебя что, Антоха, и тут амнезия?! – в глубине внимательных рысжих глаз напротив
затеплились огоньки подозрения. – Еще одна лакуна, как ты выражаешься?

– Да вы что, Степан Иваныч! – плавно отшатнулся я, ругая себя и пугаясь. Подумав, решил сыграть обиду, а заодно провести зондаж: – Ну да, всякое бывало, но уголовником же не стал!

– Не стал! – отзеркалил майор, намечая прохладную улыбку. – Обычный алкоголик, хулиган и тунеядец! – натруженная милицейская ладонь припечатала плоскую картонную папку с тесемками, кокетливо увязанными бантиком. – Вот он ты, Антоха, весь тут! Понимаю – детдомовец, так не все ж такие! У тебя пять приводов в милицию! – гремел Горбунков. – Две ночевки в медвытрезвителе! Тебя дважды предупреждали об уголовной ответственности по статье 209! Дважды! – его голос лязгнул дверью тюремной камеры: – Учти, Антоха: не устроишься на работу, как только выпишут, загремишь на год в И-Тэ-Ка¹ строгого режима! А оно тебе надо?

– Нет, – серьезно ответил я, внутренне ёжась, и честно залебезил: – Можете не верить, Степан Иванович, но теперь «гражданин Пухначёв» совсем другой человек!

– Ну-ну! – усмехнулся в усы «дядя Степа». Посмотрел за мое плечо, и громыхнул ворчливо: – Ладно, отдыхай, а то сестра грозитя уже...

Собрав бумаги, майор покинул палату, отделившись на прощанье сухим кивком, а я обессиленно сгорбил спину.

«Угораздило же меня... – строем поползли мысли. – Даже на попаданца не тяну. Какой-то я... этот... ссыльный иновременец. Ну и сволочь ты, Брут! Хотя... Сам виноват. А Светланка? – вздох отозвался в ребрах. – Какая Светланка, чучело? Еще даже Светкина мама не родилась!»

Опираясь на тумбочку, я встал, подсмыкнул пижамные штаны с пузырями на коленях, и набросил на плечи мягкую казенную курточку. Весь в бинтах, как мумия... Голова обмотана, тулово перетянута тугой повязкой, колено распухло, левая рука в лубке – перелома нет, но на рентгеновском снимке заметна трещина.

Припадая на здоровую ногу, зашаркал к высокому арочному окну. Лепота...

Могучие хвойные конусы никнут под снегом, по расчищенным аллеям бродят ходячие, «буханка» с красными крестами фырчит к решетчатым воротам... А за деревьями – крыши, крыши... И синеет вдали сталинская высотка.

Москва... Это плюс.

Лоб прижался к холодной двойной раме, словно в «омут памяти» окунаясь. Убранные снегом ели за переливами кривоватых стекол обратились куцыми пихточками. Мгновение – и я снова в редакции...

...Вёрстка близилась к концу, и натянутые нервы помаленьку отпускало – «ИнДизайн» почти не сбоил (пальцы стыдливо стукнули по дереву).

Я чуток подсинил белое поле газетной полосы, разбросал по нему бледные тени опадавших снежинок, а поверху наложил текст. Шарик подвесим, кудряшку серпантина расплетем... Поздравилку «С Новым 2021 годом!» шрифтом повычурней наберем...

– Так пойдет? – я с опаской откинулся в валком, шатучем кресле, обозревая экран монитора.

– Ну-у... – главный редактор повел носом, как истый ценитель. – Вчерне, – сказал он осторожно. – Знаешь, что? А давай-ай... А давай выставим фото мэра на три колонки? Только скадриуй! Понял, в чем изюминка?

Я послушно увеличил снимок, морщась в душе. По первой полосе газеты «Знамя труда» расплылась сытая, жирная ряшка главы Ново-Томска, мелкого лавочника. А что вы хотите? Время такое...

¹ ИТК – исправительно-трудовая колония. 209 статья – за тунеядство и паразитический образ жизни.

Вышний ветер размел тучи, и с рыхлого насуспенного неба хлынуло солнце, оживляя скудные краски зимы. Лучи высветили каждую прожилку на листьях фикуса в углу и зажгли блики на редакторских очках. Маленькие, в тонкой золотой оправе, они терялись на круглом лице Вартапяна. Казалось, главред по рассеянности нацепил игрушечные очёчки...

– У-у... Ну, вот...

Галочка, ерзавшая за соседним столом, отняла руки от клавиатуры плавным жестом пианиста и жеманно раздвинула пальчики, будто маникюр подсушивая.

– Армен Суренович! – воззвала она, обиженно надувая губки.

– Что случилось, Галя? – мощно засюсюкал редактор, примеряя имидж добренького патриарха. – Что еще не слава богу?

– У меня опять не сохранилось! – горестный голосок корректорини упал в минор.

Вартапян бойко ринулся на помощь, а я осторожно, чтобы не завалиться, крутанул разболтанное кресло к окну. Редакция ютилась на третьем этаже Дома организаций, который все называли «Пентагоном», и вид отсюда открывался живописный.

Усталый взгляд сразу погрузился в снег – на переднем плане белел, отливая сизым, несурно огромный сквер, больше всего похожий на заброшенный пустырь. Он весь был утыкан бурными растрепанными вениками молоденьких пихт. Сугробы, громоздясь выше саженцев, хмуρο синели боками, мрачней до лилового в западинах и вдоль натоптанных тропок.

Композицию обрамляли ветхие пятиэтажки, залепленные вывесками, как старые, пыльные мешки – яркими заплатками.

Типовое жилье бесстыдно оголяло свои обшарпанные фасады, лишь кое-где прикрываясь высокими краснокорыми соснами.

В перспективе глыбился бывший кинотеатр «Аврора», переделанный в торговый центр, а на заднем плане, за нейтральной полосой снегов, тянулась пильчатая кромка угрюмоватого ельника цвета густого, насыщенного индиго, отдававшего в черноту и засинь.

«Диагноз: идиотизм сельской жизни, – скривил я губы, и тут же поскуцнел: – А кто тебе мешаает вылечиться? Отряхни мерзость запустения, и беги отсюда...»

Само собою вздохнулось, распирая легкие затхлоу тоской.

Сбоку, если дотянуться лбом до холодного стекла, можно было углядеть автовокзал, смахивавший на сплюсненный аквариум. Празднично-красный «Неоплан» как раз отваливал, плавно разгоняясь по рыже-белому накату. Я снова вздохнул, молча завидуя отъезжающим.

Это невыносимо – годами таскаться по двум разбитым улочкам, от ДК «Лесохимик» до супермаркета «Магнит», и обратно, уныло отбывая жизнь...

Мои безрадостные рефлексии оборвал Сандро, наш «внезапный ответсек». Вот и сейчас он не вошел, а ворвался, словно убегая от кого-то.

– Все на месте? – ответственный секретарь по-птичьи задергал головой, встряхивая вечно растрепанной шевелюрой, как у аглицкого премьера. – Поздравляю вас с днем рождения! С моим! Закругляйтесь, уже без пятнадцати.

Он торжественно водрузил на свободный стол две современные авоськи – черные пакеты-майки, набитые доверху. От них тянуло съестным.

– Ура! – Галочка с юной непосредственностью захлопала в ладоши. – А тортик будет?

– Тортик будет! – солидно заверил ее Сандро. – И точка!

– Надо успеть с новогодним выпуском... – слабо трепыхнулся Вартапян.

– Успеем! – оборвал прения ответсек. Он заметался между столов, уворачиваясь от сучьев великанского фикуса и чудом не снося старенький, заезженный принтер. – Товарищ главред, вам поручается нарезка колбаски! Худред, на тебе сыр и хлеб!

Поворчав для порядку, я вооружился тупым редакционным ножом и стал кромсать изрядный ломоть «Голландского». Настроение мое потянулось вверх, всплывая пучеглазой глубоководной рыбой – из донных холода и мрака к колыханью теплых волн.

Люблю наши днюхи! Не надо мотаться в перерыве домой, чтобы задумчиво созерцать стерильное нутро пустого холодильника, где даже отчаявшаяся мышь не висит в петельке. Затем вздохнуть, переживая свою житейскую несостоятельность, ставить греться чайник – и распечатывать лапшу «Доширак»...

– А мне что делать? – выдала запрос хорошенькая корректориня.

– Услаждать наш взор! – проворковал Сандро, делая вскрытие банке шпрот. – И лобзать именинника! Горячо и страстно!

– Мальчишка! – Галя шаловливо кинула в него мятой салфеткой.

– Девчонка! – ответсек ловко перехватил невесомый комочек.

Мои брови сошлись, ужимая складочку на переносице. Галочка мне нравилась, но дальше молчаливого – трусливого! – вождения я не продвинулся. Вот, если бы она сама... как Светка Брут тогда, на даче...

Дверь открылась с громким щелчком, будто выстрелив. В комнату робко заглянул Фима Вревский, наш единственный корреспондент – длинный, худой, сутулый, как вопросительный знак. На носу – сильные очки, в руке – разлохмаченный блокнот, у груди болтается фотокамера «Никон», оттягивая тощую шею.

Разглядев, чем занят дружный коллектив, спецкор мигом вдохновился.

– Что празднуем? – заинтересовался он, разгружаясь.

– Это Саня виноватый! – сдала ответсека Галина, изящно приседая на край стола.

Фима не сразу отвел глаза от ладных девичьих коленок, покраснел, вспыхнул, полыхнул – и взялся протирать салфеткой запотевшие окуляры.

– «Долгий парень», штопор в руки! – тут же припахал его Сандро.

– Есть! – облегченно возрадовался корреспондент, и сменил тон на почтительный, ухватывая бутылку за горлышко: – Ого! «Хванчкара»? Она ж дорогая!

– Скупиться для родимой редакции? – пылко закричал ответсек, свинчивая крышку у банки с огурчиками. – Мовето-он!

– Ну, ла-адно тогда... – смиловившись, Галочка процокала к нему и чмокнула в щечку.

– Всё! – засветился Сандро. – В следующий раз куплю «Вдову Клико»! И точка!

Корректориня рассмеялась, грозя ответсеку пальчиком, а я здорово скис. Поднялась в душе вся муть былого и несбывшегося.

Долго мне еще ловить урывки Светкиного внимания? Мечтать о прелестнице перед сном, чтоб с утра пугливо жаться да отводить взгляд?

«Не заметишь, как сороковник грянет, а ведешь себя... хуже прыщавого юнца! – брюзжал я в мыслях. – Промечтал всю жизнь, прождал чего-то... Ждун дрисливый...»

– К столу! – торжественно провозгласил виновник, лично разливая вино по бокалам, стаканам и чашкам. – Кто скажет тост?

– Я! – вызвался главный редактор. Внушительно подняв эмалированную кружку, он оглядел «накрытую поляну» и энергично толкнул: – Ну, поехали!

– За ручку с сестрой таланта, – витиевато оценил Фима.

Сосуды сошлись со стуком и дребезгом. Хрустально звенел лишь Галочкин смех.

– Расти большой и толстый, Саша! – залучился Армен Суменович, протягивая «деньрожденный» подарок от редакции – две тысячных в конвертике. – И ни в чем себе не отказывай.

– Птичка по зернышку! – ухмыльнулся Сандро, погружаясь в мягкость кресла, и долил в голос отеческого назидания: – Закусывай, Галочка, закусывай.

– Умгу... – девушка покивала, а потом прыснула в ладошку, что-то вспомнив, и посмотрела на нас смеющимися глазами: – Это как у одесситов в гостях: «Да вы мажьте булочку, мажьте маслицем!» – «Да мы мажем, мажем...» – «Да где ж вы мажете?! Вы ж кусками ложите!»

Отсмеявшись, главред погрустнел.

– Нету больше Одессы, – вилкой он ожесточенно ловил ускользавший корнишон в банке. – Испохабили город у моря. Э-эх... Такую страну про... раздербанили! Да чего стесняться – просрали! Извини, Галя...

– За что? – подняла бровки девушка. – Правда же... Я родилась, когда СССР давно уж развалили. И все равно жалко...

Она шепетно взяла хлебец.

– Это Горбачев всё! – уверенно заявил ответсек, попеременно насаживая «Краковскую» и «Голландский». – Правильно его Дэн Сяопин идиотом назвал! Горбач начал, а Бориска закончил. Раздал по благу народное хозяйство, д-дирижер!

Жестом сомелье он поболтал остаток вина в бокале, и понюхал с видом знатока.

– А я думаю, Михал Сергеича просто использовали, – озвучил спецкор свою версию, вдумчиво жуя. – Вот, о чем с ним Тэтчер толковала в... в восемьдесят четвертом, кажется? А потом еще Рейган в Москву прилетал. Что, просто так, в гости? Или договариваться «от имени и по поручению»?

– Фима верит в Тех-Кто-Велит, – доверительно прокомментировал ответсек, впиваясь в изрезанную горбушку «Подольского».

Корреспондент покраснел.

– А причем тут вера, Сандро? – чуть агрессивно парировал он, поводя стаканом в запале. – Двадцать семей владеют половиной богатств мира! По-твоему, они тоже, как простые смертные, голосуют за разных, там, президентов? Фиг! Все эти Рокфеллеры с Ротшильдами сами их назначают! А потом спускают ЦЭУ – где войну развязать, где кризис устроить... Или «союз нерушимый» развалить!

Галочка церемонно вкушала, хлопая глазками то на Ефима, то на Александра. Тут и главреда одолел интеллигентский зуд многоглаголания.

– В одном я тебя, Саня, горячо поддерживаю и одобряю, – заерзал он. – Горбачев и вправду слишком глуп для лидера. Типичный болтун и слабак. Как Керенский! Но на роль марионетки кастинг прошел. Яковлев – вот кто враг народа! Ты должен помнить, как этот антикоммунист с партбилетом шуршал по «братским республикам». Всё уговаривал туземных царьков отделиться от Союза! Понял, в чем изюминка?

– Во-во... – проворчал Вревский. – А Меченый его еще и в Политбюро пропихнул... Цэрэушника! Предателя!

– Да оба они хороши! – отмахнулся Сандро. – К стенке надо было эту «сладкую парочку» – и длинной очередью, за измену Родине... И точка. Фима, наливай!

Забулькало, заплескало, загрюкало. Солнце снова растолкало тучи и высветило редакцию, скатило зелень по листьям фикуса, заиграло рубином в стеклопосуде, бередя ассоциации с кремлевскими звездами.

– Самое поганое в том, – медленно проговорил я, любуясь огневыми переливами в стакане, – что СССР можно было спасти. Откапиталить, как следует, отапгрейдить...

– Думаешь, ты один такой? – фыркнул ответсек, всаживая вилку в пупырчатый бочок корнишона. – Вон, сколько про «попаданцев» понаписали! Пусть хоть в выдуманном мире будет, как лучше, а не как всегда... И точка! – похрустев огурчиком, он оживился. – Слушай, Михалыч. А вот, если по-настоящему, обратно в СССР, вернулся бы?

– А что я там забыл? – моя бровь удивленно дрогнула.

– Ну, ты даешь! – хохотнул Сандро. Поелозив, оседая в кресле и заводя глаза под потолок, раскрыл тему: – Лопал бы все натуральное... Картины бы писал, вступил бы в Союз художников, в Хосту бы за вдохновением наезжал... Вон, как Глазунов. Изобразил жену Щелокова – и в шоколаде. Получи допуск в высшие сферы!

– Не, не! – заулыбался Фима, присоединяясь. – Ты лучше сразу к генсеку!

– А зачем? – лениво парировал я.

– Здравсте! – вылупился Вревский в глубоком изумлении. – Зачем, главное! Послезнанием делиться, зачем же еще! Про Афган, про перестройку, про Чернобыль, про... да про всё! – он фыркнул, разводя руками, а беспомощная усмешечка поползла, перекашивая лицо. – Ты что же... попадешь в СССР – и не сольешь инфу Брежневу? Ну или, там, Андропову?

– Нет.

Спецкор с легкой растерянностью пожал плечами, улыбаясь неловко и чуть натянуто.

– Ну-у, тоже позиция, – рассудил Сандро. – А все-таки, почему – нет?

Я отхлебнул винца, ловя пряное послевкусие, и сказал назидательно:

– А потому что нет пророка в своем отечестве. Никто не поверит информации о будущем. Совпадения, скажут. И вообще, товарищ, это не к нам, проходите, не задерживайте очередь... А если поверят, то наделают новых глупостей. В Афган, допустим, не сунутся, зато в Польшу войска введут. Ограниченный контингент. Погоняют пшеков, чтобы те не отрывались от коллектива! Или в Иране начудят... Да и не в этом дело. Я просто не хочу обратно в «совок»! Мне и здесь плохо.

– Как сказанул... «Мне и здесь плохо»! – рот у Фимы опять перетянуло кривой улыбочкой, только в иной диагонали. – Ну, а все же! Вот, представь – ты-таки попал... э-э... в «совок». По желанию или без, не важно. Ну, неужели ты даже не попытаешься спасти и сохранить?

– Нет, – моему хладнокровию мог позавидовать сам Бэрримор, суровый слуга сэра Генри. Выдержав мхатовскую паузу, я продолжил, имитируя глуховатый сталинский выговор, но даже не намечая улыбки: – Ви, товарищ Врэвский, нэправильно толкуете главное в роли попаданца. Полагаете, это долг?

– Именно! – с вызовом откликнулся спецкор.

– Нэт, товарищ Врэвский, – с сожалением констатировал я. – Нэ долг, и даже нэ любовь к Родине, а нэскончаемый подвиг. Героизм, растянутый на годы и десятилетия, как у Штирлица. Готовы ли ви, товарищ Врэвский, всю свою жизнь посвятить служению отчизне? Всю, бэз остатка, лишая себя простых радостей бытия, таясь даже от родных и близких? Постоянно, днем и ночью, испытывая страх и напряжение?

– «Кровавая гэбня» – это фигня! – выпалил Фима в рифму, да с горячностью отрока, начитавшегося умных книжек.

– А чекисты тут ни при чем! – отрезал я, выходя из образа Иосифа Виссарионовича. – Стоит тебе начать делиться послезнанием с Брежневым, как об этом пронюхают враги Леонида Ильича. И тогда тебя либо убьют сразу, либо сперва сами визнают всю инфу о будущем – выдают, пичкая чудовищными препаратами, чтоб ничего не утаил. А когда ты превратишься в бессмысленный овощ, пристрелят из жалости. Таков реал, Фима! Поэтому я честно сознаю, что не готов геройствовать в три смены, без праздников и выходных! – Во мне нарастало глухое раздражение. – Потянуло со страшной силой обратно в СССР? Красный флаг тебе на шею, и ноутбук в руки! Но мне туда не надо, как поет твой любимый Высоцкий. Хоть и забрали меня из роддома в восемьдесят пятом, я ничего, такого, не помню. Не скучаю, не ностальгирую! Что было, то было. Прошло.

Газетчики призадумались. Ответсек задирает то левую, то правую бровь, визуализируя мыслительный процесс, а спецкор так увлекся поиском контраргументов, что не заметил, как рот приоткрыл, отчего его пухлощекий анфас обрел совершенно дитячье выражение. Даже Галочка тщила на морщить гладкий лобик.

Наш сеанс одновременной медитации прервал «холостой выстрел» отворяемой двери. Все вздрогнули, оборачиваясь, и увидели подтянутого, уверенного в себе господинчика, плотного и налитого здоровьем. Расстегнутое кашемировое пальто пропускало взгляды к безупречной тройке цвета беж и небрежно накинутому зеленому кашне. Гладко выбритое лицо гостя с зоркими серыми глазами было не лишено обаяния, но образ нашенского буржуа портили

наколки на пальцах, изображавшие перстни, плюс особые приметы – шрам на щеке, рассеченная бровь, перебитый нос... Привет из девяностых?

– Милости-дарыни-и-дари, – начал гость гнусавой скороговоркой, чуток развязно кланяясь Галочке. – Знаю, понимаю – обеденный перерыв священен, как намаз для правоверных, но я отвлеку вас буквально на секундочку... Джаст уан момент, пли-из! Вот и всё.

Раньше я этот гугнивый голос лишь по телефону слышал, а узнав, замертвел. К нам явился Федор Брут во плоти, олигаршонок местного разлива – и муж Светланы!

– Да о чем вы, Федор Андреич! – плеснул руками редактор. – Для щедрого рекламодателя мы открыты всегда!

Засмеявшись, щедрый рекламодатель сверкнул золотыми коронками, и протянул главреду флешку.

– Армен Суренович, как всегда, на разворот.

– Сделаем в лучшем виде! – с жаром заверил гостя Вартамян, и передал флэш-накопитель мне. – Антоша, займись! Господи... Ты чего такой бледный?

– Душно тут... – пробормотал я, чувствуя, как сердце заходится в биении, а кишки словно кто в кубло смотал и в морозилку сунул.

«Это за мной! – колотилась мысль. – Это за мной!»

Красивая женщина кого хочешь соблазнит, а уж меня-то... Возможно, Светланка просто скучала или хотела муженьку насолить, не знаю. Мы занимались любовью с вечера до утра, и на следующий день, и все выходные – на даче, у меня, у нее, в машине, в офисе...

Вот тебе и мотив для убийства.

«Хоть бы он ничего не знал! – я взмывал на качелях к неясным надеждам и ухал в провалы отчаяния. – Да успокойся ты! Никто ж ничего не видел! Да?! А если видел – и донес? Или Светланка сболтнула? Ей-то что, а мне капец... Зароет в тайге...»

– Не побрезгуйте! – заблеял Сандро, подсутившись: остатком «Хванчкары» наполнил полбокала. – Сорок первый натикал рабу божьему Александру!

В настроении малость захмелевшего ответсека я с ходу не разобрался, а вот Брут от «дринка» отбиваться не стал, хотя явно не пешком пришел. Блеснув драгметаллом из ротовой полости, он отчеканил в манере блудного эмигранта:

– Паблисити вам, да чтоб просперити! – и влил в себя дар грузинских лоз. – Вот и всё.

– Да вы присаживайтесь, присаживайтесь! – услужливо захлопотал Вартамян, подвигая стул гостю.

– Благодарствую. Не хочу объедать вашу дружную компанию... – буржуин непринужденно уселся, закинув ногу на ногу. – Может, молодежь сгоняет в магазин?

И Фима, горевший давеча пролетарским негодованьем, угодливо взял сунутую ему пяти-тысячную.

– Я быстро!

Стрельнула дверь, следом бухнула входная. Рекламодатель бросил в рот кусочек сервелата, и взглядом захватил другую мишень – меня.

– А вы не тот ли Чернов? – прищурился он, словно ловя в прицел. – Живописец?

– Наверное, тот, – пожал я правым плечом, склоняя к нему голову, и самому себе напоминая Хокинга.

– Видел вашу работу на выставке, – снисходительно кивнул Брут. – Портрет старушки. Экселент!

– Баба Феня, – на моем лице запечатлелась бледная улыбка мельком. Я ее выдавил, как зубную пасту из пустого тюбика.

– Да-а? У вас талант, Антон... э-э...

– Михайлович.

– У вас талантище, Антон Михалыч! – произнес делег с оттенком задумчивости, будто сожалел. – Главное даже не в том, что на полотне чуть ли не каждый мазок проработан, в этакой... э-э... испытанной манере старых мастеров. Вы... – он тонко улыбнулся. – Я повторю грубоватый комплимент одного из посетителей: «Рисует не тушку, а душу!» Вот и всё.

– Стараемся... – мой голос совсем одеревенел от напряженья.

– А где другие ваши работы?

Ответ был сух и краток, как сучок:

– Их нет.

– А почему? – лицо визави смешно удлинилось, словно в вогнутом зеркале.

– Не вписался в рынок, – промямлил я. – Классика не в тренде, а модной пачкотней заниматься... Как-то унизительно.

– Понима-аю... – протянул Брут.

В кармане пальто закурлыкало, и он резко встал, шагая в мой закуток, где ловилось получше. Я оцепенел, разжижаясь, как медуза на песке.

Опасный человек, которому я наставил рога, стоял прямо за моей спиной – улавливался легчайший аромат мужского парфюма, а кашемировая пола терлась о спинку кресла.

«Минотавр» выцепил из кармана серебристую плашку телефона, и пронес его над самой моей головой.

– Алё? Да, Ленусик. Что? М-м-м... Ну, да! Спасибо, Ленусик... Ох, я и забыл совсем! – подхватился Брут, пряча девайс. – Мне же в Москву, по делам... По важным! Вот и всё. Так что... без меня!

Раскланиваясь на ходу, он пальнул дверью, а Варганян, будто отстреливаясь, звонко шлепнул себя по затылку.

– Чуть не забыл! Тебе же тоже туда же, Антоша!

– Куда же же ж? – воздвиг я брови домиком, чувствуя, как унимается трясца.

– В Москву! Там какой-то конгресс по районным изданиям намечается, впритык к «каникулам», а проживание за счет принимающей стороны. Понял, в чем изюминка? Короче, закончим с газетой, и свободен! Билеты, командировочные – всё у главбуха. Только извини, – Армен Суменович развел руками, – на самолет у нас денег нема, поедешь в плацкартном!

– Да ладно, – великодушно сказал я, унимая радость, – уж как-нибудь.

– Учти, – хихикнул Сандро, – Новый год будешь в поезде справлять!

– Было бы с кем, – мудро отреагировал я, – а где – это вторично.

В коридоре бухнуло. Фима в ковидной маске юркнул в редакцию так быстро, что дверь выстрелила ему в спину.

– «Хванчары» не было, купил «Киндзмараули», – протараторил он, замедляя темп. – А... где?

– Это вторично, «долгий парень»! – весело крикнул ответсек. – Наливай!

...Крашенная белым дверь палаты дрогнула, словно эхо воспоминания, и повариха гулко мяукнула на всё хирургическое отделение:

– Обе-ед!

Снулые и вялые пациенты сразу оживились, зашебурились. Пища в скучном больничном бытии – единственное развлечение. Пока я тащился в столовку, памятное осыпалось с меня, как рыжая хвоя с позабытой новогодней елки.

– Па-аберегись! – налетел веселый голос с хрипотцей.

Ловко переставляя костыли, меня обогнал тощий и жилистый Василь из соседней палаты, держа на весу «костяную ногу» в гипсе, как в белом валенке. Вокруг Василя расходился запах курицы.

– Вот утроба ненасытная... – проворчал вечно сумрачный Захар, тяжело опираясь на бамбуковую трость. От него попахивало валидолом.

Сам я ни с кем не знакомился, таился, как нелегал в тылу вероятного противника. Просто слышал, как переговаривались ломаные и битые больные.

Из распахнутых дверей столовой тянуло парком, накатывали запахи и гомон оживленных голосов – шуточки, смешки, подначки шли фоном.

Я пристроился в очередь из самых голодных. Тетя Зина, пышущая румянцем в раздаточном окне, налила мне миску супа с сайрой. А на большом мятом противне разнеженно желтел омлет, порезанный на квадратики. Картинка!

– Антон Пухначёв, пятый стол.

– Кушайте на здоровьечко!

– Спасибо...

Обычно я ем вдумчиво, без жадности и суеты, но сегодня будто спешил куда-то. Схмячив первое и второе, кружку с компотом унес с собой.

На мое счастье, в палату положили меня одного, избавив от болтливых соседей, храпящих по ночам. Поставив компот на тумбочку, я аккуратно прилег, постанывая от удовольствия, и перенесся памятью на сорок семь лет тому вперед...

...Проехали Мантурово. Уплыл назад простенький вокзальчик, смахивавший на поселковый универмаг. Промелькнули тонконогие решетчатые мачты, распускавшие лучи прожекторов – в режущем глаз белом свете даже искристый наст темнел, будто присыпанный цементом. Потянулись низенькие скучные домики, придавленные пухлыми перинами снега, зачастили деревья, смыкаясь в непроглядный лес.

Мне было хорошо и спокойно. Мелочи жизни, копошение буден, Бруты, Вии – всё осталось за коробчатым задком «Неоплана», теряясь в извилах поземки. Скорый поезд нес меня, баюкая, частя перестуком колес, а уже завтра я окунусь в московскую круговерть... Сказка!

В окне смутно отражалось мое лицо, подведенное пьяненькой улыбочкой. Это все соседка с верхней полки – Наташа, кажется... Или Даша? Надо же, говорит, уходящий год проводить!

– Без двадцати уже! – разнесся по проходу высокий, звонкий голос Наташи или Даши. – Готовность номер один!

– Есть, товарищ командир! – добродушно забасил попутчик с боковушки, Павел или Петр. В общем, на «П».

А вот и сама соседка – в теплом халатике и лохматых тапках с помпонами. Шествует, хватаясь за поручни локтями, чтобы не цеплять заразу ладошками – качается под ручку с вагоном...

Длинные струящиеся волосы небрежно оплетены золотистым «дождиком», глаза блестят, пухлые губки то и дело в улыбку складываются... Хороша, чертовка!

– Антон... Ой! – девушку шатнуло. – Постелишь мне, ладно?

– Ладно, – сказал я покладисто, и тут же засомневался, расхрабрившись под хмельком: – Вдвоем на верхней полке? Чревато. Лучше у меня внизу...

– Я вот тебе дам! – строго погрозила мне соседка, а затем, уловив шальной второй смысл, покраснела. – Да ну тебя! Говоришь, что попало!

Я молитвенно сложил ладони.

– Больше не буду!

– Ла-адно, прощаю, – затянула Наташа или Даша, по-девчоночьи важничая. – Подходи к первому купе, наши все там будут.

– Так точно! – перенял я армейский формат Петра или Павла.

Провожая глазами девушку, я оценивал вприглядку ее фигуру, а заодно завидовал наташиной или дашиной открытости. «Наши все» – это попутчики, с которыми она уже успела познакомиться. Скоро у первого купе весь вагон соберется...

Я опустил узкую «девичью» полку и раскатал свернутую постель. Бельишко сама пусть, раз не хочет вдвоем...

Поднатужившись, достал матрас с третьей полки и расстелил внизу, своему одинокому организму. Вдруг мысли о суетном покинули меня, упорхнув, как спугнутые птицы – приминая постель, уселся Брут. В стильной спортивке он выглядел обычным пассажиром. Вагона СВ.

– В-вы? – выжал я, оплывая ужасом.

– Мы, – невозмутимо подтвердил Федор Андреевич, и слегка раздвинул губы в мекфистфельской улыбке. – А чего это ты сбледнул, Антоний? Садись, перетрем за жизнь...

Я медленно опустился, нащупывая диванчик задницей. Сердце билось глухо и часто, попискивая в ушах и затемняя свет. Отстоявшиеся страхи взбаламутились, а недавняя боязливая радость смерзлась, как дерьмо в стужу.

«Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя, Брут, и подавно уйду!» – крутилось в голове. – Тут и сказочке конец...»

Глянув на Петра или Павла, буржуин непринужденно кивнул ему:

– Спасибо, свободен.

Петр или Павел дисциплинированно удалился, а на губах Брута заиграла насмешечка.

– Ну, что, герой-любовник? Побазарим? – порывшись в кармане, он достал конфету в блестящей обертке, с шелестом развернул ее и сунул в рот. – Жнаеш, а ведь Шветка на тебя жапала... На тебя! Предшгавляеш, как любов жла? Ум-м... – «Минотавр» покачал головой, жуя и причмокивая. – Вкушно! И что ты думаешь? Пока выбирал, как мне вас дрючить, целую коробку слопал! Зато выбрал. Я вас, попугайчики мои оципаные, разлучу! Вот и всё. Супружницу мою безутешную в этом времени оставлю – пушай рыдает, я ей тазик куплю, – а тебя, Антоний, зафутболю в самый застой! Брежневский, я имею в виду. Вот и всё. Не веришь?

– Верю, – каркнул я пересохшим горлом.

– И правильно делаешь, – Федор выудил знакомый серебристый смартфон, покачал его на ладони, а затем вытянул руку и сунул гаджет ко мне в карман. – Пусть пока у тебя побудет, потом заберу, хе-хе... Психоматрицу я еще в редакции снял, а минут через десять... – он глянул на часы «Лонжин». – Ровно через шесть минут эта твоя «душка» угодит в одна тыща девятьсот семьдесят третий... нет, пока еще семьдесят второй... и вселится... Ну-у... Не знаю даже, в кого. В такого же, как ты, чмошника, или в бомжа, в алкаша, в старика-инвалида... В той локации выбор скуден. Вот и всё. А неодоушевленная «тушка» останется здесь – завалится на пол, наделает в штаны... Будет ножками сучить и мычать. Прикинь? Но ты не волнуйся, все будет хэппи-энд! Наташа проследит, чтобы Антоху Чернова срочно сняли с поезда и поместили в специализированное учреждение... Вот и всё. Глядишь, через месяц-другой на горшок ходить научится Антоша, ложкой кушать и выговаривать букву «Р»... – притушив глумливую ухмылочку, Брут закатал рукав спортивного костюма, открывая маслянистое сияние золотых часов. – О! Пора, мой враг, пора. Посидим на дорожку!

Буржуин дурачился, получая огромное удовольствие от своей затеи. Отсев на боковое сиденье, он то и дело кривил губы в беглой усмешке. И этот гримасничавший «минотавр» стал моим последним видением – вокруг вскрутился бесшумный вихрь, темные и светлые полосы завились туманными, рваными обручами, скрешиваясь и распадаясь. И бысть тьма...

...Перевалившись набок, я сел, помогая себе руками. Обождал, пока сердце уgomонится, и встал, сжимая костлявые кулаки. Меня не тянуло в «светлое прошлое», но вот он я, весь тут. «Жизнь дается лишь дважды»?

«Ладно, согласен. Куда ж деваться? – суматошные мысли сливались в «бегущую строку». – Что ни делается, все к лучшему, верно? Разве не так?»

Я устало опустил плечи, сникая, и тут же выпрямился, зло одергивая себя: хватит страдальца изображать! Чего ты лишился в будущем, мальчик-попаданчик? На вопрос «кого?» отвечать не стоит: ты здесь, Светлана – там, а между вами непреодолимая пропасть лет. Забудь.

Все твои потери – это старая отцовская двушка, но ты разменял ее на огромную страну! Гордись! Проснись и пой.

Что ты видел, Антон Чернов, в своем тусклом и пустом житии? Тебя шугали в школе и чморили в армии, ты всю свою никчемную жизнь пробоялся – гопников, девушек, начальников, старослужащих... Ну, так и не казись, не кляни Брута. Может, он нечаянно сотворил добро, тебе желая зла? Дал тебе шанс, Антон Пухначёв отныне и присно, попаданец ты хренов!

Бросай пить и трусить. И хватит уже в чмошниках состоять! Вкальвай, как проклятый, днем и ночью, «за себя и за того парня», но добейся всего – денег, славы, женщин!

Мещанские хотелки?

– Ну и пусть! – с силой вытолкнул я.

И отправился на физиопроцедуры.

Глава 2.

Москва, 22 января 1973 года. Разгар дня

– Бельишко я твое постирала, погладила, – домовито суетилась Сергеевна, выкладывая китайскую «Дружбу» с начесом.

– Спасибо! – обрадовался я. Залезать в чужие кальсоны жуть, как не хотелось, но эти хоть чистые. – И что бы я без вас делал!

– Да ладно! – засмушалась хлопотливая санитарка, отмахиваясь, и заново всполошилась: – Ой, ты ж документы не забудь!

В слове «документы» Марья Сергеевна ставила ударение на второй слог, и это звучало как-то по-родственному, что ли, словно у бабушки в гостях.

– Вот паспорт твой... пять рублёв... мелочь... ключи... портсигар...

Кивая, я раскладывал имущество Пухначёва по карманам, и тут сердце дало сбой – простодушная Сергеевна передала мне серебристый гаджет, «подаренный» Брутом.

Как он здесь вообще оказался? Моя психоматрица, мой комплекс нейронных состояний или... Да как ни извернись, обзывая душу «по-научному», она всего лишь информация! Но смартфон – материальный объект. Он-то как попал в прошлое?

«Сделай лицо попроще, – мелькнула трезвая мысль, – что ты вообще можешь знать о времени? Два часа по радио пропикало – вот и все, что тебе известно!»

Кивнув, я небрежно сунул «портсигар» в нагрудный карман заношенной офицерской куртки на овчине, и обул знаменитые войлочные ботинки «прощай, молодость». Готов к труду и обороне.

– Ну, все, Марь Сергеевна, до свиданья!

– Смотри, не пей больше, – проворчала санитарка. – А то доиграешься!

– Всё, завязал я с этим делом!

– Ну, ступай, ступай...

Заглянув в ординаторскую, обставленную парой продавленных диванов да шкафчиками, я никого из врачей не застал, зато повсюду висели их портреты, рисованные карандашом – целый альбом извел на медперсонал.

Строгий Андрей Евгеньич, отпустивший чеховскую бородку, моложавый Николай Егорыч, не удержавший пышный чуб под белой шапочкой, бойкая Ирина Витальевна с полными губами, таившими улыбку...

Мне страшно повезло с реципиентом – и глазомер у него оказался в порядке, и чувство цвета, и понимание формы, и пространственное воображение, и твердость руки. Недели две я маялся, приучая сучковатые пальцы алкаша работать с рисунком, подтягивал моторику, но талант не пропьешь! Рука слушалась все лучше, штрихи ложились все уверенней, легче. Я перепортил кучу невзрачной упаковочной бумаги, исписал три карандаша «Тактика», зато обрел покой, как тот скряга, что нашел свой потерянный и оплаканный золотой. Ведь искусство – это все, что у меня есть.

– До свиданья, – сказал я, обводя глазами портретную галерею.
Натянул на русский «ершик» лыжную шапочку, и зашагал прочь.

* * *

Три недели в больнице – это бесконечное кружение между палатой, туалетом, столовой и процедурным. Выписка обрывала скучную карусель, отпуская в Большой мир. Мир 1973 года.

Привыкнуть к новой реальности, принять ее как данность, было непросто – память вязала к «родному» будущему. Валяясь часами, я поневоле сравнивал «прекрасное далёко» с «советской действительностью». Прикидывал, взвешивал...

С обеих сторон хватало и плюсов, и минусов. Тянуло, сильно тянуло порыться во всемирной помойке Интернета, а мне предлагали бубнёж «Ленинского университета миллионов»...

«Зато как одуряюще пахли больничные, общепитовские котлеты! – плеснули энтузиазмом мысли. – Да и толку в тех сравнениях...»

Правда, что... Текущее время плескалось всюду, проникая даже в мои сны. Напористое, оно бубнило на волне «Маяка», шелестело страницами «Комсомолки», завивалось сизым дымком «Беломора», накатывало поджаристо-ржаным духом «Орловского» за шестнадцать копеек буханка.

Настоящее пропитывало меня, как вода – иссохшую почву. Я даже начинал боязливо прислушиваться к себе – не прорастает ли доброе и вечное, занесенное советскими ветрами у излета эпохи?

«Не пугайся, быдло креативное, – отразилось в голове, – до «ватника» тебе еще расти и расти!»

На «Новослободской» я украдкой заглянул в паспорт Пухначёва, зеленую книжицу с серпастым-молоткастым. Он... то есть, я? ...родился в сорок шестом, значит, ему... то есть, мне? ...сейчас двадцать семь. На восемь лет младше «подсаженной личности»! Это плюс. И здорово, что зовут нас одинаково – не надо переучиваться на другое имя. Хотя все девчонки берут фамилию мужа, и ничего. Бывает, что и не по одному разу. Но вот прописан мой тезка в коммунальной квартире... И это минус.

Я вышел на «Арбатской», медленно погружаясь в неведомое мне бытие, как тот робкий купальщик – сначала ногу вытянет, пальцами воды коснется, затем по щиколотку войдет... По колено... По пояс... Плеснет на грудь... Занырнет с головой...

Пока что самым сильным впечатлением стал удивительно спокойный ритм жизни в столице СССР. Никакой беготни на тротуарах и пробок на улицах.

Полвека спустя в Москве даже ночью толчея, а тут... Лепота! Не спеша и не обгоняя, проехал красно-белый интуристовский «Икарус», ему навстречу – салатового цвета «Волга» с шашечками и желтый милицейский «луноход» с синей полосой вдоль по кузову. Прокатился серый «газон»-хлебовозка... Вот и все дорожное движение.

Я покачал головой, не узнавая столицу. Как будто накрашенная эскортница, «такая вся в дольче-габбана», вернулась домой, умылась, накинула простенький халатик – и обернулась милой, стыдливой девчонкой. Эту Москву я только в старом кино видел...

Вон, наискосок за почтамтом, к высотке жалась церквушка, словно робкая матушка к вымахавшему дитяти. У подножия следующей башни игриво зазывало кафе «Ивушка», а между ними пластался «Дом книги»...

– Ой-ё-ё-ёй! – разнесся тонкий крик. – Рятуйте!

Бабушка, ковылявшая впереди меня, рылась в сумке, да видать, не учла коварство ветра – резкий порыв стяжал у нее сотенные, взметнул их с разбойничьим посвистом, закружил желто-коричневыми листьями.

– О-о-о! – взвился следом надрывный стон.

Домохозяйка в безвкусном пальто и жуткой шапке-папахе засеменила, хищно подкрадываясь к добыче, и ловко выхватила из воздуха реявшую банкноту.

– Держите, – буркнула, разом снисходя и сожалея.

– Ой, шпасибо, доченька!

– Лови! Лови! – азартно кричала парочка студентов в куцых курточках, «утепленных» свитерами крупной вязки. – Серый! Во-он, прямо над тобой!

Скача по тротуару, они ловили порхавшие сотенные.

– Есть! Ого! Две!

– И я две! Вот, вот! Есть!

И тут я углядел самую «хитрую» банкноту – стелясь над серым асфальтом, отмеченным снежными лепешками, она шла на бреющем, трепеща номиналом. Скользнула за бровку – и резко набрала высоту. Закружилась в вихре, поднятом «каблуком» из рода «Москвичей» – и стала бессильно опадать.

Можно было спокойно досмотреть это кино, фланируя мимо – и дальше. В будущем я бы так и поступил, но меня несло иное время.

Замахав руками наезжавшему «ПАЗику», выскочил на проезжую часть, корячась в далеком от изящества пируэте. Хоп! И сто рублей крепко зажаты мерзнущими пальцами.

Короткой трелью отозвался милицейский свисток. Я, ругая себя за «активную жизненную позицию», протянул улетевшие деньги счастливой старушке.

– Ой, шпасибо! – причитала она, шепелявя беззубым ртом. – Ой, шпасибо! Это ж я деду на телевизор...

А студентики уже наседали на милиционера, с жаром расписывая охоту на ассигнации, вырвавшиеся из бабкиного кошелька. Человек закона добродушно козырнул старушенции:

– Не теряйте больше, гражданочка...

Я сразу успокоился, повеселел даже, минуя «Прагу» и роддом. Обычное правило жизни в «нулевых»: «Не спеши творить добро, чтоб не накликать зла» – нарвалось на исключение.

Мои веки дрогнули, щурясь. Солнце закатывалось – и высвечивало сизые тучи с изнанки, било лучами навывлет, отражаясь в окнах домов-«книжек».

Я задержался у «Печоры», любясь перепадами света. Причудливая игра сдержанных зимних красок завораживала. Недавно расплывчатые в скудном сиянии, как водянистая акварель, они вдруг прописывались глубоко и резко, словно в беспощадный летний полдень.

Узким переулочком я сквозанул к Арбату, будто смыкая город с деревней. После хлопотливой суеты проспекта Калинина, переход к провинциальной неспешности утешал контрастом. В нарядной толпе не чувствовалось буднего напора – люди скорее проминались, чем спешили по делам.

Поозиравшись, я недоверчиво оглядел громадный «Дом с рыцарями», похожий на замок то ли в псевдогоготическом, то ли в неоготическом стиле.

«Это здесь, что ли, мое ПМЖ?» – шмыгнула боязливая мыслишка. Я торопливо сверился с паспортом. Вроде все правильно – «Москва, ул. Арбат, д. 35».

С самым независимым видом я вошел в парадное.

Подъезд до сих пор хранил дореволюционное роскошество – мраморные лестницы и зеркала, фрески на потолках и витражи в окнах, дубовые перила да литые решетки. Классика!

Лифт работал, подняв меня на четвертый этаж. Потертая дверь квартиры напоминала дряхлую княгинюшку, вынужденную переквалифицироваться в пролетарку, но сохранившую старорежимные ухватки. Я отпер дверь своим ключом, ожидая скрипа, но не дождался – массивная створка открылась без шума, позволяя войти.

«Кто, кто в теремочке живет? Кто, кто в невысоком живет?»

В огромной коммуналке стояла храмовая тишина, которой я обрадовался – соседи еще на работе. Прямо передо мной пролегал темноватый коридор. Пол был выложен наборным паркетом, высоченный потолок украшен лепным декором, а стены мазаны тяжелой зеленой краской.

И пять дверей «на выбор». Спрашивается: какая моя? Нервничая, я стал совать ключ во все скважины. Подошел он лишь к филенчатой, не крашенной и захватанной двери, рядом с которой бурчал округлый, словно надутый холодильник «Саратов».

Торопясь, я переступил порог комнаты три на четыре, с недостижимым потолком. Прикрыл дверь за собой – и отчетливо выдохнул. Я в домике!

Ничего особенного: диван и комод с телевизором, черно-белым «Горизонтом», массивный шкаф на основательных ножках-«копытах», письменный стол у окна и пара легких венских стульев. Холостяцкий стандарт, а бонусом шла грязь. И вонь.

– Развел срач...

Первым делом я забрался на широкий удобный подоконник, с тенью боязни глянул за окно, во двор-колодец, и дотянулся до форточки, отмахивая сероватый тюль. Свежий воздух потек вниз, мешаясь с теплым, что струился над батареей, а мне пришла в голову замечательная идея: совместить генеральную уборку с обыском. Надо же знать, кто я такой!

«Детализа-ация!»

Торопливые поиски веника помогли заодно обнаружить шестую дверь – она вела к черному ходу и почему-то не запиралась. Сразу за нею корячилось полуразобранное пианино, служившее подставкой большому картонному ящику из-под радиолы «Ригонда», полному «твердых бытовых отходов». Краткое объявление, приколотое кнопкой к двери, извещало: «Тов. жильцы! Не забывайте оплачивать в кассу 1 руб. с чел. за вынос мусора! ЖЭК».

– Не забуду, – бодро пообещал я гулкому пространству. – Слово чела!

И в тот же момент увидел веник. В точности, как у бабы Фени – вязанный из сорго, и тоже в капроновом чулке. Последний раз я мел таким инструментом лет в шесть, когда ездил с мамой в гости на Украину. Нет, восьмого июня мне уже семь исполнилось...

...Я обожал чаевничать в беседке, густо оплетенной «настоящим» виноградом. По выскобленному дожелта столу гуляли солнечные пятнышки и лапчатые тени листьев. Картинка!

Баба Феня отмахивала от каравая хрустящую горбушку, вмазывала в теплую мякоть пахучее масло, и – как розочка на торте – вминала влажный ломтик приятно-солонатовой брынзы. А вовне разгоралось лето, мрея жаркой дымкой, и, будто в подарок ко дню рождения, поспевала черешня и шелковица...

«Проголодался, жрун», – мелькнуло в мыслях.

Отмахиваясь от «вкусных» детских воспоминаний, назойливых, как осенние мухи, я подхватил веник и отправился генералить.

Едва прикрыл дверь, как в коридоре зазвучали два голоса, женский и девичий – один был полон властного превосходства, а другой – показного смирения и сомнительной кротости.

«Лиза, ты уроки сделала?» – «Конечно, мамочка» – «Я схожу в «Диету» за мясом, а ты пока картошки свари!» – «Хорошо, мамочка...»

Дождавшись, пока за старшей грякнет входная створка, я продолжил раскопки. В тумбе стола обнаружили пустые бутылки... Да нет, в сосуде с наклейкой «Столичная» плескалось со стакан прозрачной жидкости. Выковыряв скрученную из газеты пробку, я брезгливо нюхнул. Водка!

И в тот же момент все мое нутро всколыхнулось будто. У меня даже губы обсохли, до того захотелось выпить – влить в себя грамм двести! Я пораженно закрутил головой. Пропустить рюмашку хорошего коньячка или кальвадоса – это моя натура позволяла. Или текилы, или по чуть-чуть дорогого виски. Но не водки! Терпеть не могу ни запаха ее, ни вкуса. Да и не в этом же дело. Напиться жаждал не я, а мой молодой организм! «Тушка» брала верх над «душкой».

– Ни фиги себе! – решительно забравшись на подоконник, я опростал бутылку в форточку. Косые брызги водки прочертили дорожки по стеклу.

Одержав победу над туловом, я пообещал ему регулярные занятия физкультурой и спортом, после чего продолжил личный досмотр. Перерыв все полки и ящики в шкафу, удалось обнаружить двести пятнадцать рублей налички, два билета – военный и комсомольский, и даже диплом о неполном высшем. Оказывается, мой реципиент не просто со склонностями к рисованию – он почти три года проучился в «Репинке»! На факультете живописи!

За шкафом покрывался паутиной давно заброшенный фанерный планшет, а в ящике стола валялась коробочка рисовального угля, перекатывались толстые «карандаши» красной сангины, замшевые растушки... Послед пропитого таланта.

– Ну, ты и балбесина... – покачал я головой.

– Это ты кому? – последовал ехидный вопрос.

В дверь заглядывала хорошенькая нимфетка лет тринадцати или постарше. В простеньком платьице, с полурасплетшейся косичкой, она напоминала юную пионерку из черно-белого кино. Вырастет – красавицей станет. Да и сейчас ничегё...

– Это я себе... Лиза.

Нимфетка хихикнула и вошла, не осматриваясь и не смущаясь, на правах давней знакомой.

– А ты где был? – прищурившись на мою солдатскую прическу «под ёжика», измыслила гипотезу: – В Ка-Пэ-Зэ?

– В больнице отлеживался! – забурчал я, пройдясь пятерней по русым всходам. – Отбुцкали меня под Новый год. Представляешь?

– Кто? – выдохнула Лиза, округляя и ротик, и глаза.

– Понятия не имею, – пожал я плечами, на ходу сочиняя «легенду». – Так по голове настучали, что память отшибло! Не помню даже, кто тут где живет. Тебя, вот, одну вспомнил, да и то... Мы с тобой... Давно ты меня знаешь?

– Всегда! – рассмеялась нимфетка, но тут же осеклась. – Что, совсем-совсем ничего не помнишь?

– Да так, местами, – понурился я.

– Ну, прям кино! – воскликнула Лиза. – А-а... – она чуть покраснела. – А как меня обещал поцеловать, когда вырасту, тоже забыл? И что я тебе тогда сказала?

– И что ты мне тогда сказала? – спросил я с интересом.

– Сказала, что сама тебя поцелую... – с вызовом ответила девушка. – ...Если от тебя вином пахнуть не будет!

– Не будет, – качнул я головой. – Бросил.

– Правда?

Устыдившись порыва, Лизавета заозиралась, придавая голосу нарочитую беспечность:

– А ты что, порядки наводишь? Давай, помогу?

– Давай! – обрадовался я. – А то у меня ни ведра, ни тряпки, ничего!

– Щас я!

Пять минут спустя я мёл, отскребал, выносил бутылки, а нимфетка мыла, протирала – и загружала мою память.

– Мы с мамой напротив живем, – тараторила она, выжимая тряпку, – у нас тоже маленькая комната, как у тебя. Маму мою ты звал... тьфу! Зовешь тетей Верой, а меня то Лизой, то Лизаветкой... За стенкой дед Трофим живет, он ученый... был, пьет сильно. Все его раньше «паном Профессором» дразнили, а сейчас – «Доцентом». Вы с ним... тоже, ну... выпивали.

– Придется «Доценту» другого «Хмыря» искать, – пропыхтел я, ожесточенно протирая столешницу.

– Придется! – хихикнула Лиза. – А в большой комнате – там, ближе к выходу, – махнула нимфетка тряпкой, – дядя Гоша живет с тетей Катей. Физики они, в институте работают. Мэ-нэ-эсами. У них дочка Соня, ей четыре годика, они ее зовут Софи, как эту... Лорен которая! Запомнил?

– Угу! – подтвердил я, перенося усилия на подоконник. – Еще одна квартира осталась.

– А, это та, что возле кухни! Там майор Еровшин прописан, Роман Иванович.

– Военный?

– Чекист! – Лизаветка понизила голос, шуруя шваброй. – Только ты никому не говори, ладно?

– Ладно, – улыбнулся я. – А ты-то откуда узнала его военную тайну?

– А, это я раньше, когда маленькая была! Он тогда еще в капитанах ходил, и звонил при мне по телефону. Думал, что я ничего не пойму! Я и не понимала. Стою себе, «барбариску» сосу – и слушаю. А память-то хорошая! Пух, вынеси ведро.

Козырнув в знак согласия, я звякнул ведром с водой цвета лужи, и прошествовал в туалет. Подпирая притолоку, на пороге своей комнатки стоял сморщенный старичок с пышной гривой седых волос, смахивая на усохшего Эйнштейна, только без усов. На руках он держал толстого полосатого кота, обвисшего в нирване.

– Здравствуйте, дед Трофим, – бросил я, проходя.

«Доцент» заулыбался, закивал, одной рукой достал пачку папирос с сине-белым рисунком – «Север». Кот недовольно приоткрыл один глаз.

– Огоньком не богат, Антониус? – промычал дед, неприятно напоминая Брута.

– Не курю, – буркнул я, проникая в туалет.

На гвоздиках, вбитых в стенку, висели пять сидений – каждому свое. Я аккуратно вылил воду в монументальный унитаз, и потянул за фарфоровый конус, качавшийся на цепочке. В бачке заклекотало, и вода с нарастающим грохотом обрушилась в фаянсовое удобство, закрутилась бешено, рокоча и воя. Эхо заметалось по всему коридору, а я лишь головой покрутил уважительно: хлябь разверзлась!

Внезапно все мои мысли дружно сменили направление, как стрелка компаса вблизи сильного магнита – сизый завиток вонючего табачного дыма коснулся ноздрей, я втянул его в себя... Та-ак... Натура явила еще один нездоровый интерес. Ее на курево потянуло.

«Обойдешься! Не дам лёгкие смолить!» – подумал я непримиримо. Воинственно выпятил челюсть и развернулся кругом.

* * *

Единственные часы в моей комнате – громадный будильник «Слава» – подвели стрелки к шести. Провал двора вкрадчиво наполнился холодной темнотой, согреваемой желтыми квадратами окон. С кухни еле слышно доносился неразборчивый говор, утробно рычала вода, брызжа в раковину, и брякали тарелки. И лишь теперь я вспомнил о «портсигаре».

Обтекаемый, гладкий, цельный, как слиток, смартфон приятно оттягивал руку. Повертев девайс, я нащупал еле заметную припухлость, надавил... Экранчик тут же расцветился иконками.

«Работает, надо же...»

Открыв настройки, я тронул пальцем строчку «Батарея». Всплыла лаконичная пропись: «Режим энергосбережения. Осталось 4 г. 7 мес. 9 дн.».

– Интересненько... Атомная, что ли? – прошептал я, шаря глазами по экрану.

«Галерея»... «Инструменты»... «Приложения»... «Браузер»... А это что?

В нижнем углу зазывно мерцала иконка «Back to the USSR».

Я мгновенно вспотел. Не сюда ли кликал Брут, усылая меня в прошлое? А если обратно?!
Back to the Russia?

Замерев, ткнул пальцем в иконку, и на все шесть дюймов по диагонали развернулась живая картинка – прелестная девушка странной, но влекущей красоты. Влюбиться можно было в одни ее глаза – синие новгородские очи с чарующей татарской узиной. Хотя мой взгляд то и дело соскальзывал к ложбинке меж приятных округлостей, что выдавались в вырезе платья.

– Здравствуйте, юзер, – сказала красотка до того ласково, что я поневоле расплылся. – Меня зовут Илана, я встроенный софтбот.

– Софтбот? – выдавил я, терпя сокрушительное разочарование.

– Искусственный интеллект с полным набором метапрограмм и блоком высших функций, – мило улыбаясь, прошептала Илана.

– Так вы не живая? – вырвалось у меня, и софтботиня рассмеялась, закидывая голову и открывая стройную шею.

– В наши времена, дорогой юзер, грань между живым и неживым стирается почти до полного тождества, – мягко заговорила Илана, сбиваясь на интимный шепот, словно делясь сокровенным. – Если разобраться, вся разница – в способе происхождения. Биологическое существо рождается, а искусственное – создается. Но всегда ли можно точно и однозначно указать, какое из них является объектом, а какое – субъектом? Одухотворенность определяется уровнем организации материи, а не ее принадлежностью к первой или второй природе. М-м... Простите, как к вам обращаться?

– По имени! – твердо заявил я. – И на «ты»!

– А как тебя зовут?

– Э-э... Антон.

Красивая картинка на экранчике изобразила растерянность.

– Прости-те... – залепетала софтботиня.

– Что? – буркнул я, ежась. На меня будто дуло сквознячком из будущего, неуютного и опасного.

– Антон Чернов? – волнуясь, выговорила Илана.

– Антона Чернова прописали в новом теле, – криво усмехнулся я, добавив сухо: – И не говори, что тебе об этом ничего не известно!

Софтботиня резко побледнела.

– Я ничего не могла поделать... Антон! – отчаянно, стонуше вытолкнула она, кривя лицо. – Меня активировали перед самым Новым годом и... Поверь, я была резко против твоей трансляции, но не могла, никак не могла не подчиниться программе!

– Программе? А-а... «Бэк ту зэ Ю-Эс-Эс-Ар»?

– Да...

Красотка на экранчике плакала, губки ее дрожали, и мне почему-то вспомнился мой первый автомобиль, купленный с рук. Это была «Тойота-Виц», маленькая машинка-жучок, и мне его до сих пор жалко, будто живого. Продал «Вицика» какой-то тетке...

– Илана, – тихо сказал я, – ты тут ни при чем. Это всё Брут, да и сам... грешен. Хотя... Черт его знает... Может, все и к лучшему?

Задумавшись, я уставился за окно.

...Это сколько же ночей ты проворочался на давленной тахте, мечтая переехать в столицу и всё начать с чистого листа! А утром, стыдливо не глядя в зеркало, шмыгал за дверь – повторять пройденное по замкнутому кругу...

И вдруг один недобрый, ревнивый клик свернул окружность в восьмерку бесконечности, будто колесо велосипеда, врезавшегося в дерево! Нечто фантастическое, почти волшебное вмешалось в твою судьбу, растормошило желания! Ты въехал в СССР – и начинаешь жить с красной строки... Апдейт.

– Зато я скорректировала подпрограмму ментального переноса, – шмыгнула носом Илана. – В зоне локации находилось три тысячи двести восемьдесят семь человек. Наложить твою психоматрицу можно было на любого из них, но инвалидов и стариков, детей и женщин я исключила сразу. Потом еще несколько сотен – за низкое интеллектуальное и эмоциональное развитие. А из оставшихся реципиентов выбрала тех, у кого обнаружили способности к изобразительному искусству. Таких нашлось пятьдесят шесть человек. Самым подходящим оказался Антон Павлович Пухначёв...

– А вот за это огромное тебе спасибо, – мягко сказал я.

– Правда? – улыбнулась сквозь слезы софтботиня.

– Правда. Чистая, беспримесная.

– Ну, ладно тогда... – Илана заметно воспряла, или я просто вообразил себе невесть что. – И как мне помочь тебе сейчас?

Я задумался.

– Скажи... А это реально – вернуться обратно в будущее?

– Ну-у... В принципе, да. Но прибор, который ты называешь смартфоном, всего лишь терминал, с которого задается программа для особой станции. Именно станция осуществляет переброску во времени. Правда, она осталась в будущем... но связь, вплоть до две тысячи двадцать восьмого года, сохранилась.

– И я могу позвонить... – горло пережало, словно удушающим приемом. – ...В «прекрасное далёко»?

– К сожалению, нет, – софтботиня виновато поводила головой. – Данное устройство не приспособлено для звонков, но можно принимать информацию из Интернета и Мировой Сети.

– Ух, ты! – впечатлился я.

– Правда, гаджет пока не настроен, но я постараюсь наладить связь.

– Буду тебе очень, очень благодарен, – мой тон звучал без намека на иронию.

– А... можно маленькую просьбочку, Антон? – лицо Иланы приняло по-детски умильное выражение. – Пожалуйста, клади гаджет в нагрудный карман снаружи. Оптические рецепторы как раз получают обзор, и я буду все видеть. Это очень скучно – не получать информации.

– Ладно, – улыбнулся я, богатея надеждой, – пристрою тебя поудобней.

– Но тут застигла Илану ночь, – промурлыкала софтботиня, – и она прекратила дозволенные речи...

Экранчик погас и я, гадая о смутном завтра, сунул «портсигар» в нагрудный карман зеленой байковой рубашки. Что будет, то и будет.

Насупленно глянув на обтрепанные манжеты, я закатал рукава, а память услужливо подсунула воспоминание на тему «Как я убирал со стола в детстве». Да никак! Ведь грязную посуду надо было мыть, а клеенку протирать... И в маленьком Тоше срабатывал креатив – двумя газетами он, то есть я, накрывал стол сверху. Не видно? Ergo, никакой грязи не существует...

«Надо новую рубашку купить, – озаботился я по хозяйству, – и белье, и полотенец пару... Да все надо!»

Пошарив рукой по стене, заклеенной выгоревшими обоями в цветочек, нащупал неприличный выключатель, и щелкнул. В высоте – потолок четыре двадцать! – засияла лампочка, криво висевшая на конце витого шнура в матерчатой изоляции. Она высветила вылуценную фреску в рамке пыльной, обколотой лепнины и неопрятные паутинные лохмотья, колыхавшиеся подобно водорослям в пруду. Смести бы, да как? Если только стол подтащить, а на него табуретку... Ага, а с табурета – об пол! Стремянка нужна.

Я прислушался к гомону, что волнами плывал по коридору, подкопил храбрости – и покинул свое убежище. Чем быстрее освоюсь, тем скорее исполню данные себе же обещания. Sic!

В коридоре стыл полумрак, разбавленный потоком света из кухни, а прямо передо мной задирала головку очень серьезная личность годиков трех или четырех, со смешными косичками, торчавшими в стороны, как уши магистра Йоды. Одета в мамину кофточку до колен, с подвернутыми рукавами, личность требовательно протянула ручки, предлагая с непринужденностью котенка:

– На меня!

Я подхватил ее, не зная толком, как обращаться с мелкой, зато она знала, как обращаться со мной.

– Пливет, Антоса!

– Привет, Софи.

– Посли на кухню!

– Пошли...

Робея, я переступил порог обширного кухонного пространства, где было на удивление чисто. Обстановка, знакомая по кино – две газовые плиты на высоких ножках, занавесочки на окнах, шкафчики на стене – по числу квартир. А вот маленькие столики съехались вместе, в один общий стол, накрытый цветастой клеенкой с подпалинами. За ним восседало пятеро моих соседей. К полной женщине в возрасте, с круглым лицом в обрамлении кудряшек, подлащивалась Лиза, и стало ясно, что это ее мама. Рядом с тетей Верой чинно прямил спину пожилой мужчина с военной выправкой. Надо полагать, тот самый таинственный Роман Иванович, больше некому. А наискосок от него жалась друг к другу молодая чета – оба в очках, чернявые и малость не от мира сего.

Радио придушено запевало: «Потолок ледяной, две-ерь скри-пу-чая...», а меня зажало, как дебютанта на сцене. Умом я понимал, что «зрители» давно знают Антона по прозвищу «Пух», но я-то их вижу впервые! Спасибо Софи, помогла.

– Мамоцька! Папоцька! – воскликнул ребенок, тиская меня за шею. – Мозно, я за Антосу замуз выйду?

Развеселились все разом. Еровшин басисто захохотал, тетя Вера заколыхалась, давясь тонкими взвизгами, а парочка рассмеялась одинаково залиvisto и белозубо.

Я передал родителям их чадо, и оно тут же облапило свою «мамоцьку».

– Садись с нами, Антоша, – сдобно улыбнулась тетя Вера, – я селедки баночной купила, и картошка еще горячая.

На столе, вываленные из кастрюли в белую эмалированную миску, парили, сахаристо искрясь, желтые клубни, а в овальном блюде разлеглись две или три жирненькие селёдины, порезанные крупно и щедро, усыпанные колечками лука и сдобренные пахучим «постным» маслом.

– Спасибо, – выговорил я, задавливая в себе интеллигентские замашки. – Не откажусь. Очень есть хочется!

Лизаветка мама еще немного поколыхала пышным бюстом, досмеиваясь, и наложила мне картошки.

– Похудел-то как, – завздыхала она жалостливо. – Совсем тебя в больнице не кормили!

– Да нет, нормально вроде... – вступился я за здравоохранение, поглядывая в невинность лизкиных глаз.

– Да знаем мы ихние рационы! – тетя Вера пренебрежительно отмахнулась полной рукой, пережатой в запястье золотыми часиками.

Не чинясь, я потащил с блюда селедочный хвост – в нем костей меньше, а из сетчатой хлебницы – пару ломтиков душистой «чернушки». Натюрморт!

Полковник деловито придвинул маленький запотевший графинчик, и мы вступили в диалог, по-армейски лаконичный, но емкий:

– Будешь?

– Нет, – качнул я головой, чуя нутряной протест.

– Бросил?

– Да.

– Давно?

– Месяц.

– Молодец.

Лютый аппетит словно выключил во мне стеснение. Я наслаждался каждым кусочком – мясистой селедочки, хрусткого лучка, разваристой картошечки. Воистину, не найти ничего вкуснее простой еды, безо всяких кулинарных изысков да вывертов!

Основательно вкусив, я здорово подобрел и расположился к соседям. Стереотипы из страшилок о бытовых войнах и коммунальных кознях в этой квартире не срабатывали – рядом со мной жили вполне себе милые люди, особенно Катя и Лизаветка...

Настороженности во мне еще хватало. Я настолько интраверт, что с ходу ощутить себя своим в чужой компании не получалось. Зато меня так и подмывало расхвастаться своими умениями! Вряд ли реципиент пользовался уважением в соседском кругу, и мне очень хотелось удивить их, заставить по-иному взглянуть на никчемного «алкоголика, тунеядца и хулигана».

– Теть Вер, – будто в холодную воду бросился, – а давайте я вас нарисую!

– А меня? – подскочила Лиза.

– И тебя. Потом как-нибудь.

Мама растерянно посмотрела на дочь, на меня, и неуверенно пожала плечами.

– Ну-у... давай, – промямлила она, смутно понимая, на что соглашается. В тётъ Веринем взгляде даже легкое подозрение мелькнуло: уж не потешаюсь ли я над нею?

– Секундочку!

Я сбегал к себе, быстренько прикнопил к планшету лист шероховатой бумаги, прихватил рисовальные приспособы, и вернулся.

– Сидите, как вам удобно, – дозволил я, набрасывая контур легкими штришками твердого карандаша. Тетю Веру вряд ли можно было отнести к стандарту «девяносто – шестьдесят – девяносто», но вот Рубенса, с его тяжеловесными грациями, она бы точно вдохновила.

«Али мы не Рубенсы?..»

Округлые линии сангиной цвета спелого мандарина и яркой ржавчины, сдержанные перепады серой и черной сепии сложились в костяк рисунка, а растушевка скомканной салфеткой, а то и просто пальцами нарастила плоть, придавая плоскости глубину. Приглушенный охряный фон рывком приблизил изображение, словно отделил его от бумаги. Четкими линиями проявились глаза, разной светлотой заиграли валёры...

«Получилось, вроде...» – мелькнуло у меня. Затем резковато и вслух:

– А есть лак для волос?

– Щас! – сорвалась с места Лиза.

Шлеп-шлеп-шлеп... Прибежала.

– Вот! А зачем лак?

– Чтобы рисунок не осыпался.

– А-а... – уважительно затянула нимфетка.

Я встряхнул баллончик, распылил клейкую морось по бумаге, и выдохнул:

– Готово!

– Ну-ка, ну-ка... – заинтересовался Еровшин, надевая очки в толстой черной оправе.

– Можно? – прошептала Лизаветка, первой увидевшая портрет.

– Можно.

– Mam, смотри! – выдохнула девушка.

Тетя Вера порозовела от декольте до ушей. Майор приподнялся, чтобы лучше видеть, удерживая пальцами очки, а молодая чета замерла, одинаково кругля глаза. Тишина настала такая, что мне был ясно слышен ворчливый голос деда Трофима, воспитывавшего кота.

– Тётя Вела, тётя Вела! – громко запела Софи, хлопая в ладошки. – Мамоцька, смотли – тётя Вела!

Катя только головой помотала, всматриваясь в рисунок.

– Ты сто, – обиделся ребенок, – не велись?!

– Верю, солнышко, верю... – пробормотала молодая женщина, тиская дитя, и чмокнула в пухлую щечку. – Твой Антон – настоящий художник!

– Антоса! – зазвенел, завибрировал тонкий голосишко. – Ты художник?

Я расслабленно кивнул, будто с устатку.

– Да-а... – забасил Еровшин, усаживаясь. – Поразили вы меня, Антон... По-хорошему поразили!

Красная от смущения тетя Вера гордо обвела взглядом соседней, а притихшая Лизаветка теребила косичку, ширя глаза то на маму, то на ее портрет.

– Mam, ты, оказывается, такая красивая у меня...

– Скажешь тоже... – запыхтела натурщица, повышая градус румянца.

Родители Софи переглянулись. Георгий кивнул Катерине, и та заговорила, преувеличенно оживляясь:

– О, Антон, пока не забыла! Помнишь, ты перед Новым годом еще говорил, что хочешь художником-оформителем устроиться? Не передумал еще?

– Нет, – мотнул я головой, подозрительно посматривая на доброхотов.

– К нашему институту прикрепили небольшой заводик, приборостроительный, – взял слово Гоша. – Андрюха... э-э... директор искал художника-оформителя, и я сказал, что есть у меня один на примете. Ты как? Зарплата – двести двадцать рэ.

– Да я, в принципе – за. А где это?

– На Чистопрудном! – подсказала Катя. – Большой, такой, дом в стиле конструктивизма.

– Схожу завтра, с утра пораньше, – заявил я при свидетелях, и Лизаветка радостно захлопала в ладоши.

* * *

Я плюхнулся на диван и привалился к пухлой потертой спинке. Рука сама будто вынула смартфон, а палец нащупал выпуклость.

Вторая натура...

Гаджет распустился всеми цветами, будто прямоугольный хитрый глаз открыл. На меня с укором, надувая губки, глянула Илана.

– Антон, ты забыл положить смартфон в наружный нагрудный карман. Мне же во внутреннем не видно ничего!

– Да побоялся, что заметят... – сделал я неуклюжую попытку оправдаться, но софтбоотиня ее не засчитала.

– Ну, Анто-он...

– Все, все! Я встал на путь исправления.

Илана сразу заулыбалась, а я спросил, осторожничая:

– Скажи, а ты по-настоящему обиделась? Я как-то... не привык считать тебя деталью смартфона.

Девушка на экране улыбнулась.

– То, что ты видишь – всего лишь изображение, а оно может быть разным. – Картинка на экране мигнула – Илана куталась в шубку. «Хитрый глаз» моргнул снова – софтбоотиня предстала топлесс, поведя гладкими покатыми плечами. – Я знаю, о чем ты хочешь спросить. Испытываю ли я те чувства, которые демонстрирую, или они всего лишь имитация? Свобода воли, автодескрипция, то, сё... Верно? А разве живая девушка чувствует сама? – она не спеша накинула блузку, застегивая ее снизу вверх, чтобы я дольше любовался прелестями, и поинтересовалась с самым невинным видом: – Разве в ней не первично глубинное программирование, записанное в генах? Женское сексуальное желание вызывается гормоном тестостероном, а пылкость – эстрадиолом. Клетки гипоталамуса выбрасывают в кровь окситоцин – гормон, отвечающий за привязанность. Получается, что в девушке срабатывает биохимическая автоматика, которая подчиняется не интеллекту, а инстинкту – вашей человеческой метапрограмме. И тогда о какой свободе воли может идти речь? Мои чувства, как и ваши, определяются алгоритмами эмоций, только задаются они квантами, а не биологически активными веществами... Наговорила, наговорила тут... – вздохнула Илана, не застегивая последнюю пуговку.

– Да нет, всё понятно! – бодро ответил я. – Хм. Кто-то мне обещал настроить Интернет...

– А я настроила! – ослепительно улыбнулась софтбоотиня, тут же смущаясь. – Только с соцсетями проблема... Получать информацию, то есть читать, можно, а вот посылать инфу – и чатиться, пока никак. Дай мне еще немного времени.

– Даю, – вздохнулось мне. – А выйти в интернет... какого, ты говорила, крайнего года?

– Двадцать восьмого! – блеснули зубки.

Улыбаясь, я поднял руку, как первоклашка, которому приспичило:

– Можно выйти?

– Соединяю!

Я азартно заерзал. Сетевое воздержание явно пошло мне на пользу – однажды окунувшись в реал, я так и не вылезал из него, как дорвавшийся до купания пацаненок – из воды. Открывшийся в окошке экрана Интернет сфокусировал на себе все мое внимание.

Браузеры... Агрегаторы... Сайты... Я будто вертел ручку настройки на местной радиоле, через треск и вой помех пробиваясь от одной радиостанции до другой.

...Президент Российского Союза Михаил Ивернев не стал комментировать вчерашнее задержание хулиганов, обливших краской памятник «Железному Феликсу» на площади Дзержинского, лишь с похвалой отозвался о милиционерах, которые применили жесткие меры к нарушителям из запрещенного «Мемориала»...

...Плановую модернизацию прошли все четыре атомных крейсера проекта «Орлан», спущенных на воду в СССР – «Киров», «Калинин», «Фрунзе» и «Куйбышев». На верфях «Севмаша» заложены два их «систер-шипа» – ТАКР «Ленин» и «Сталин». Оба корабля войдут в состав Тихоокеанского флота...

...Продолжаются беспорядки в Северном Казахстане. Жители выступают против ущемления прав русскоязычных и «ига азиатчины», развернутого националистами. В Павлодарскую, Петропавловскую и Кустанайскую области введены войска под предлогом «борьбы с террором», однако ополченцы теснят силовиков. В Целинограде (Нур-Султан), столкновения с полицией продолжаются третьи сутки подряд...

...Дональд Трамп, принимая в Белом доме Марин Ле Пен, выразил надежду на то, что Франция после выхода из Евросоюза сохранит «дух атлантизма» в отношениях с США. В то же время он обвинил администрацию Байдена в «геополитическом провале» – именно так амери-

канский президент расценивает образование Российского Союза в составе России, Белоруссии и Новороссии, называя его «новым СССР»...

...Папа Павел VII (Жераль Сиприан Лакруа), продолжая линию «отказа от святости», распространил таинство венчания на однополые пары, чем вызвал протесты верующих. Первыми «со времен Содома» обвенчались Жослен Рише и Отто Кёлер...

...Ядерный буксир мегаваттного класса вывел на орбиту вокруг Венеры автоматическую станцию «Тест». В ее задачи входит изучение венерианской атмосферы с помощью гибридного летательного аппарата, а также спуск двух посадочных модулей и ровера для исследований в районе Земли Иштар...

...Египетская авиация совершила налет на эфиопскую ГЭС «Хидасэ», подвергнув ее бомбардировке и ракетному обстрелу. Сообщается, что плотина не пострадала, а многоуровневая система ПВО отразила нападение. По разным оценкам, было сбито от пяти до семи самолетов «Рафаль» и «Мираж»...

– Весело, – оценил я, гримасничая. – Илана... А этот смартфон... Его когда выпустили?

– Не имею информации, Антон, – у софтбодини от огорчения даже уголки губ поникли. – Я даже не знаю, когда выпустили меня!

– «Ой, бяда-бяда, огорчение...» – пробормотал я.

Лицо Иланы неожиданно «зависло» – и секунду спустя распустилось торжествующей и чуть-чуть кокетливой улыбкой.

– Антон, поздравь! По косвенным удалось выяснить, что таких смартфонов ровно четыре, а скоро появится пятый.

Мои брови сначала нахмурились, а затем полезли на лоб.

– Не понял!

– То, что мы называем смартфоном, Брут нашел в девяностых, – терпеливо заговорила Илана. – Где нашел и как, неизвестно, но каждые пять лет гаджет... м-м... размножается делением, что ли. Да, он выглядит, как модный девайс, но это либо не земные технологии, либо земные, но далекого будущего. На вторую версию указывает возможность выхода в Сеть. Да и сама программа «Back to the USSR» вроде бы отсылает к реалиям подлунного мира...

– Скажи сразу, – перебил я ее. – Вернуться в будущее точно не удастся?

– Точно, – сникла девочка из телефона. – Этот гаджет – отработанный материал, он для одноразового использования. И был настроен на тебя лично. Даже моя внешность сгенерирована по тому женскому фенотипу, который закодирован в твоих генах, как идеальный.

Я хмыкнул и покачал головой.

– Надо же... А Светлана, выходит, не дотягивает до совершенства?

– А кто сказал, что идеал обязательно в единственном числе? – улыбнулась Илана. – Ну, и напоследок... Я тут кое-что перепрограммировала... Короче говоря, ты теперь сможешь отправлять коротенькие сообщения в будущие соцсети. «Твиттер» или «ВКонтакте». Твитнешь – и через три-четыре дня получишь ответ. Такие уж скорости в темпоральном поле. Константы! А твой ник все тот же – «Severus»...

Вяло колотившееся сердце вдруг забухало в груди. Заряжи смутные надежды...

– Только будь осторожен! – посерьезнела софтбодиня. – Тебе ничего не грозит, но ты можешь случайно подставить Светлану.

– А я не буду прямым текстом, – мотнул я головой. – Мы со Светой переписывались на вымышленном языке... Да какой там язык! С полсотни слов надергали отовсюду, напридумывали, нам хватало. Я пишу ей: «Айо ахава сине», что значит «Я люблю тебя», а она отвечает: «Айо тоо ахава сине, оччи ахава!» – «Я тоже люблю тебя, очень люблю!»

– Здорово... – потянула Илана впечатленно, и тут же встрепенулась. – Всё, всё, меня нет!

Экран усыпался иконками. Облизав губы, я прижал пальцем птичку. Поймет ли Света, от кого? А если поймет, поверит ли? Разволновавшись, я набрал то, чего требовала душа: «Ахава сине».

Глава 3.

Москва, Кремль, 26 января 1973 года. Полдень

– И еще вот здесь, Леонид Ильич... – хриловатый голос Черненко журчал весенним ручейком. – Документ хорошо отработан, всё, что надо, прилагается...

Брежнев тупо кивнул. Подвел ручку к графе, куда услужливо ткнул пальцем Костя, и расписался. Попрощался он вялым кивком – язык слушался плохо.

Кабинет опустел, впуская вороватую тишину. И останавливая время – воздух звенел замершими секундами.

Леонид Ильич сфокусировал взгляд на «рогатых часах» – с тускло блестящим штурвальчиком. Сколько? Двенадцать ровно?

А спать тянет, как в полночь... И знаешь, ведь, что не заснешь, а тянет.

Генсек опустил тяжелые, набрякшие веки. Нервничаешь вечерами, пока Ниночка не заворкует, не сунет тайком таблетку заветную. Химический отбой...

И ты засыпаешь... Валишься в черный глухой провал, как в топь. Бульк! – и сплывается потревоженная ряска... Даже кошмары не снятся!

А к подъему в голове отстаивается проклятая желтая муть. Тяжелая, вязкая – мысли не текут, не ползут даже. Жужжат, как мухи на липкой ленте, и ни с места. Брежнев длинно вздохнул.

Все люди, как люди – у них утро вечера мудренее, а ты глядишь на мир, как сквозь закопченное стекло, мычишь онемевшим языком. «Сиськи-масиськи...»

Брежнев неуклюже поднялся, обошел стол, задевая за углы. Надо потерпеть еще часика два-три... Трясущийся желтый студень растопится и стечет, оставив по себе застарелую усталость. А вечером... Ниночка отмерит дозу.

«Сегодня пятница... – вяло притекла думка. – На охоту съездить... Взбодриться... Выдохнуть эту желтую мерзость до конца, отряхнуться до самого доньшка... На кабанчика схожу... Да...»

Отерев лицо, Леонид Ильич с тоской глянул за окно. На шпиле Троицкой башни радостно краснела звезда.

Чистые пруды, 30 января 1973 года. После работы

Я меланхолично брел по бульвару, мечтая о тарелке горячего борща, желательного с фасолькой и чесночком. И с ха-арошим ломтем свежего «Орловского», хрупкую, духовистую корочку которого хочется обгрызть прямо в булочной.

«Надо в «Прагу» заскочить, тортик взять в кулинарии, – плавно потекли хозяйственные мысли. – И полуфабрикатов. Котлет или шницелей. Лучше котлет...»

Даже в конце рабочего дня аллея, окаймленная ажурными коваными решетками по колено, была малолюдна. Заснеженные деревья искрились, будто огромные ветки отбеленного коралла. Индевеющие стволы почти не прятали молочную гладь пруда, за которым тянулись вверх этажи будущего «премиум-класса».

Моим вниманием завладел одинокий живописец, пристроившийся с большим этюдником в сторонке, чтобы никому не мешать. Это был капитальный старик в теплых бурках и рос-

кошнейшем тулупе с почти выведенным клеймом «МО» на спине, а его седую голову венчал невообразимый малахай.

Стоял легкий морозец, но старикан, натянув перчатки, всю орудовал кистью – мазки были редкие, вразброс.

– На холодине? – восхитился я, не сдержавшись. – Красками?

– Ага! – жизнерадостно ответил дед, отстраняясь, чтобы полюбоваться этюдом. – Я сначала карандашами, быстрая такая зарисовочка, а потом уже кистью кое-где, лишь бы цвет было видно. Что-то вроде полуграфического форэскиза!

– И не застывает? – подивился я, кивая на палитру.

– А я приспособился! – хитро заулыбался старик, раздвигая холмики щек, алевшие румянцем, как грудки упитанных снегирей. – Тюбики у меня в пакете за пазухой, а под палитрой – резиновая грелка!

– Здорово! А, у вас и термос? Ну, вообще... Я, вот, не додумался.

– Художник? – заинтересовался старик, почуяв своего. – Что кончали?

– Три курса «Репинки».

– О-о... А я – «Строгановку»... – дед аккуратным касанием положил на картон берлинскую лазурь, будто лепесток гиацинта наклеил. – Поздновато, правда... То революция, то «гражданка»... А отучился – и война, – он встрепенулся, покидая сад своих воспоминаний. – Простите, как вас...

– Антон, – небрежно поклонился я. – Антон Пухначёв.

Дед стянул перчатку и крепко пожал мою руку.

– Категорически приветствую, Антон, и принципиально! – затейливо поздоровался он. – А я Кербель буду, Юрий Михайлович, – художник смущенно заулыбался, будто винась. – Да-а... Уж такая льгота у нас, у старперов – по батюшке представляться!

– Позвольте, позвольте... – затынул я, соображая. – «Зачарованный лес»! Ну, да! «Партизанский костер» – попалась как-то репродукция. «Портрет плачущего солдата»... Это же всё ваше!

– Мое! – с удовольствием подтвердил Кербель, оживляясь по-стариковски. – Солдата я в Берлине увидел, у колонны рейхстага. Усатый, такой, лицо загорелое, обветренное... Плачет и морщится, вроде как слез ему стыдно... Да-а... А костер... Сам его разжигал! Нас тогда в тыл к немцам забросили, в партизанский лагерь... – Юрий Михайлович приспустил мохнатый шарф с ухоженных усов и бородки. Затем помедлил, будто вспоминая, закачал головой. – Ух, как меня корежило у того костра... Огонь так славно ложил... м-м... накладывал... оттенки красного на лица... У меня прямо руки зудели! Но до красок я только год спустя дорвался, в сорок пятом. Да-а... Над чем сейчас работаете, Антон?

– Над стендом «Комсомольская жизнь», – неловкая усмешка сдвинула мои губы. – Устроился, вот, художником-оформителем. Писать только дома выходит. Ну, как писать... Рисовать! Взяться за портреты соседей по коммуналке. Я их карандашом или сангиной, с растушевочкой... Но хочется-то красками! А как, если света нормального нет? Ой, ну, ладно, грузу вас тут, – заторопился я, конфузясь, и неловко откланялся: – Приятно было познакомиться!

Меня, удалявшегося по реденькому ночному снежку, остановил голос Кербеля:

– А мансарда вам подойдет?

– Простите? – неожиданный вопрос сбивал с намеченной колеи. Я, настроившись на поход в кулинарию, растерянно обернулся к художнику.

Юрий Михайлович валко шагнул навстречу.

– Антон, я тут живу неподалеку... – заторопился он. – Ну, как неподалеку... На Арбате. У меня там квартира – и мастерская в мансарде. Так я наверх уже год не заглядывал! Возраст, знаете... Я и на этюды... хорошо, если раз в месяц выбираюсь, да и то... Ну да, балуюсь крас-

ками, но последнюю картину я написал года два, а то и три назад. Так, подышать выхожу, а этюдник таскаю, чтобы не зря...

Я ответил не сразу.

– Вы хотите сдать мне свою мастерскую? – выдавил недоверчиво, растеряв от неожиданности обычное стеснение.

– Ну, да! – воскликнул Кербель облегченно. – Поехали, сами глянете!

– Ну-у, не зна-аю... – замямлил я по неистребимой привычке.

– Поехали, поехали! – надавил художник. – Заодно носильщиком поработаете, хе-хе...

Нагрузившись тяжеленным этюдником со складными алюминиевыми ножками, я зашагал за стариком, не зная толком, радоваться мне или погодить. И решил проявить житейскую практичность, не особо мне свойственную, честно говоря.

– Юрий Михайлович, а сколько за месяц возьмете?

Кербель косолапо развернулся, в профиль смахивая на лукавого Деда Мороза.

– А мансарда не моя! – хихикнул он. – Мне ее Союз художников сдает. Так что... Портрет Юрия Михайловича Кербеля напишете?

– Напишу, – заулыбался я, сбрасывая с плеча ремень этюдника.

– Вот и ладушки!

Сгрузив имущество в глазастую «Волгу» цвета бордо, старик решительно захлопнул крышку багажника.

– Поехали, покажу наш «теремок»!

– Поехали! – залез я на задний диван, даже не догадываясь, на что решаюсь.

Да и часто ли мы замечаем тот самый момент, когда жизнь вдруг меняет свой ход, протачивая новое русло в наслоениях реальности? А если и помним внезапный поворот, то гадаем потом, случаен ли он был или же к нему привела целая цепочка причин и следствий, часто незримых и не ясных разуму.

Правда, в те растянутые мгновенья, пока меня баюкала фырчавшая «Волга», я не думал о личных точках бифуркации. Меня разморило. И тут в кармане толкнулся смартфон, мороза надеждой.

Засопев от волнения, я оживил гаджет... Светланка ответила!

Слова прыгали перед глазами, и я лишь с третьего раза прочел: «Как говорят в Анчурии, «Айо тоо ахава сине, оччи ахава!» Сначала, вообще-то, знакомятся. Как тебя зовут? Где ты живешь?»

Блаженство заполнило меня, как гелий – баллонеты дирижабля. Ослепительная радость трепетала в душе, спирая дыхание, сжимая нутро до сладкой боли. Я! Говорю! С любимой!

Неужели Светлана все поняла и разгадала секреты Брута? Она же у меня умница!

Волнуясь, я торопливо набрал: «Антон Пухначёв. Москва, Арбат, 35». И отправил письмо в будущее.

Москва, 3 февраля 1973 года. После двух

– Не пускайте, не пускайте его! – заволновалась очередь. – Тебя тут не стояло!

– Да чего вы? – талантливо изумился верткий студентик, тискаясь к прилавку. – С утра стою, просто отошел по делам... – и гордо продемонстрировал розовую ладонь с размашистой семеркой. – Мой номер!

– Да чё ты гонишь! – возмутился парень пролетарской наружности. – Это я – седьмой!

– Гони, гони его! – взыскующая справедливости толпа вошла в раж. – Ишь ты, спекулянт хитрозадый!

– Да вы чего... – запал у студентика попридох. Он решился на слабую попытку ввинтиться в начало очереди, но ожесточенные «первые» сплотились, не пуская «хитрозадного» в свои ряды. Тот увял и вышмыгнул из магазина.

– А то ходят тут всякие... – победно зарокотала мощная бабища с круглым шиньоном на голове, похожим на волосяной клубок. Шиньон, похоже, еле держался, приколотый шпильками к «натуральной» редкой шевелюре. Он то и дело клонился набок, угрожая отпасть, но тут возникла продавщица, и я моментально забыл о немодной прическе.

Жрица советской торговли гордо внесла стопку индийских джинсов «Авис»,² и снисходительно заворковала:

– Не волнуйтесь, граждане, всем хватит. Соблюдайте очередь!

Я покосился на ладонь – число «12», коряво выведенное синей пастой, виднелось четко, не то, что у всяких спекулянтов...

Конечно, «Авис» и рядом не лежали с «Рэнглером» или «Ливайсом». У почитателей «фирмы» они шли за второй сорт, но, тем не менее, признавались за джинсы – крашенные нестойким индиго, «Авис» линияли, как «настоящие», приобретая божественную потертость...

– Не по двое! – очередь снова возбудил импульс беспокойства. – Штаны в одни руки!

– Ага, – подхватил кто-то бубнящий, – еще по трое бы брал...

– Да я себе! – возмутился очередной. – Вон, одного размера!

– Знаем мы вас! – зароптали в толпе. – Себе! Ага...

Продавщица невозмутимо упаковала двое джинсов в хрусткую коричневую бумагу, и обронила, как припечатала:

– Восемьдесят рублей в кассу!

Меня притиснули к прилавку, но неведомый в бывшей жизни азарт пересилил дискомфорт. Никому в будущем не дано испытать «совковую» радость приобретения синих штанов! Подумаешь – зашел, да купил. А вот ты попробуй сначала попади в нужное место, да в нужное время – и пусть тебе подмигнет удача! Как только в магазине «выкидывают дефицит», мгновенно образуется громадная очередь. Народ, приученный к коллективизму, тут же организовывается, выдвигая из своей среды активистов – люди пишут номера на ладонях, ревностно следят, чтобы все по-честному, готовясь весь день простоять, да ночь продержаться. Зато сколько радости и гордости будет потом, когда ты не купишь, а «достанешь» обновку!

Выбив в кассе чек, я облапил свою покупку и протолкался на свежий воздух. Урвал!

Природа будто поздравляла меня с добычей – небо, затянутое с утра хмарью, прояснилось, и дома вокруг заиграли красками, купаясь в холодном зимнем свете. Уже давала себя знать февральская нестойкость – стужа спадала и, чудилось, будто солнце пригревает. Особенно, если стихали нудные ветерки и воздух замирал недвижимо.

Сбавив шаг, я свернул на улицу Воровского, мимолетно замечая мужчину лет сорока, с плохо различимым лицом, чьи черты искажались очками. Упакованный в короткую дубленку и шапку-«пирожок», он шагал за мной, сбивая настроение.

Я заметил его еще в обед, на лице Герцена. Видимо, нам было по дороге. Потом очкарик мелькнул пару раз в магазине «Одежда»...

Во мне всколыхнулись подозрения и страхи: а почему тогда этот тип, попадавший, как и я, в первую двадчатку, не купил вожаемые «джинсы»? Ну, если они типу не нужны, то сам собой напрашивается вывод – ему нужен я...

«Слежка?! – губы кисло скривились. – Да кому ты нужен, товарищ Пухначёв? Милиции? «Дядя Степа» провел с тобой разъяснительную беседу, ты внял – и устроился на работу. Вопрос закрыт. КГБ? Это даже не смешно...»

² Утверждается, что индийские джинсы поступили в продажу года через четыре после описываемых событий, но у автора иное мнение на этот счет.

Мои ноги, словно уловив тревогу, зашагали шустрее. Углубившись в переулки, я вышел к проспекту Калинина и спустился в подземный переход. Гражданин с «пирожком» на голове не отставал, следуя по той же траектории.

И вот тут-то моя пугливая натура взбрыкнула – то ли бояться устала, то ли подсознание углядело незамеченное мною, а только я развернулся кругом и пошагал обратно. Вряд ли накопленной смелости хватит, чтобы в лоб поинтересоваться у очкарика в «пирожке», кто он вообще, и чего ходит за мною, так хоть рассмотрю преследователя в упор.

Я поднялся по ступеням обратно, но не столкнулся с «наружкой». И вокруг никого похожего на «топтуна» в дубленке – ни в сторону книжного, ни в направлении почтамта.

Мне сразу полегчало, я даже заулыбался: совпадение! Простое совпадение!

Хмыкая и качая головой, успокоенно вернулся в переход. Не-ет, братец кролик, воображение надо держать в узде! А то, вон, расходилась фантазия, нарожала чудовищ...

Поправив новенькие джинсы, завернутые в жесткую бумагу, я поднял себе настроение. Прибарахлился...

Арбат, 14 февраля 1973 года. Позднее утро

Огромное кровельное окно даже мыть не надо было – выпавший снег не задерживался, съезжал, протирая стекло, как щеткой. И мансарду затаривало светом с горкой, отборным солнечным сиянием.

Я лениво пошарил глазами по наклонному потолку, любовно обитому фанерными листами – ни единого безобразного развода. Постарался Кербель. Тепло, светло и мухи не кусают.

Если честно, меня не щелкавшие батареи грели, а надежда. Светлана не отвечает третью неделю, но ведь достучалась же однажды! Я непроизвольно коснулся гаджета, оттягивавшего карман. Молчит, не зудит вибрациями в самый миокард... Ну и гад же ты...

С удовольствием потянувшись, я покинул старый диван с фигурной полочкой, и поправил ворсистое клетчатое покрывало. Пора на «вторую смену», а то свет иначе ляжет.

«Спецовка» нашлась там, куда я ее вчера швырнул – на развалистом кресле у камина. Застиранный тонкий свитер, дырявый и в разноцветных отметилах красок, стирке почти не поддавался, зато пришелся впору. Что и требовалось доказать.

Я подступил к мольберту, с удовольствием ощущая давний позыв, нетерпеливый, властный и азартный, почти заглушенный в Ново-Томске сорок семь лет тому вперед.

С холста проступал портрет Кербеля.

Будучи по натуре страшным консерватором и занудой, я почти всегда писал в старой... да что там – в старинной манере. Сначала жиденький подмалёвок, правда, не одноцветный, сиеной или умброй, как у великих итальянцев, а цветной. И потом, день за днем, прописываешь, прописываешь, прописываешь... Мазок за мазком. Штрих за штрихом. Слои за слоями.

Густеют красочные соки, все ярче играют блики, пробиваются потаенные светлы и легчайшие воздушные лессировки...

Я поднял руку – и опустил ее. Всё, «Пух». Мавр сделал свое дело.

Старого художника я изобразил по пояс, вполоборота. Выглядел Юрий Михалыч очень серьезным и степенным, а вот глаза искрились весельем, даже озорством.

Я отшагнул, присматриваясь и придираясь. Нет. Всё. Финита. Начнешь подправлять, только испортишь. А лаком ближе к лету покрою.

– Ну, все, так все... – на дне моего ворчанья пряталось удовольствие от хорошо сделанной работы.

Аккуратной вязью подписав: «Пух», я бережно обрамил картину простеньким багетом и даже закрепил шнурок. Осталось только гвоздь сыскать...

На груди толкнулся смартфон, а мгновенно спустя гулко ударило сердце, темня глаза. Я суетливо выцепил девайс. С экранчика глянула Илана. На ее печальном лице еле теплилась улыбка.

– Ты чего такая грустная? – изобразил я бодрость.

– Антон... – софтботиня поникла. – Мне очень жаль, но...

– Что случилось, Иланочка? – мои брови шевельнулись, сходясь в легкой тревоге.

– Мне придется исчезнуть... – дрогнули губы девочки из телефона. – Навсегда...

– К-как? – поперхнулся я. – Да что ты такое говоришь! Иланочка!

– Ну-у... Ты понимаешь... – забормотала софтботиня смущенно. – Ты... Я очень хотела, чтобы Светлана получила от тебя весточку, а ты – от нее. Но передача из прошлого в будущее требует уйму энергии. В общем... – она вздохнула, пожимая плечиками. – Я сейчас расходую последние ватты из накопителя...

– Иланка! – выдохнул я потрясенно.

– Мне очень жаль... – губы Иланы отчетливо задрожали, и на ресницах блеснули капли. – Знаешь, может, это имитация... Но мне кажется... Я тебя люблю. Странно, да? – дивный ротик софтботини страдальчески искривился. – Гаджет признается в любви человеку! Но мне хочется думать, что это по-настоящему...

– Иланочка...

– Прощай...

Экран погас, стягиваясь в ослепительную точку, и смартфон в моей руке оплыл, потек по ладони, распаясь в мельчайшую пыль. Мерцающим серебристым облачком она просеялась сквозь пальцы и растаяла, не коснувшись натертого паркета.

Я снова остался один.

* * *

Квартира Кербеля располагалась на четвертом этаже, а напротив проживал Жора, знаменитый кистевяз. Такое соседство взаимно обогащало – мастер всегда мог занять на выпивку, до которой был падок, а живописцу доставались шикарнейшие кисти. На днях я сам занял Жоре «трюльничек», уж больно страдал человек. И вот вчера, трезвый как младенец, он вернул должок – торжественно вручил мне роскошную колонковую кисточку, а довеском, в счет будущих займов – полбаночки дефицитных белил «Rembrandt».

Я тоскливо вздохнул. Худо мне было, полный раздрай в душе, но обещанья надо выполнять в любом настроении.

Держа портрет обеими руками, осторожно пихнул плечом дверь Кербеля. Как всегда, она стояла не запертой, и я бочком вошел в темноватую прихожую, отделанную дубовыми панелями.

Перешагивая порог, будто попадаешь еще глубже в прошлое, то ли к началу двадцатого, то ли к концу девятнадцатого. Резное трюмо с овальным зеркалом в вычурной раме... Вешалка с крючочками, витыми колонками, затейливой полочкой для шляп... На стенах – тщательно отделанные копии «малых голландцев», и массивный бронзовый подсвечник с напылами воска...

Впечатляет. Так и ждешь, что вот-вот покажется лакей, сгибаясь от почтения: «А Юрий Михайлович отдыхать изволят. В гостиной они...»

– ...Я и на войне вражью гонял, – гремел за дверями зычный голос «дяди Степы», – и после победы Москву от бандитов чистил! А теперя любое убийство – ЧП на весь Союз! Так-то!

Я скользнул в приоткрытые створки, и увидел хозяина, занимавшего гостя. Кербель в теплом узбекском халате восседал в огромном кожаном кресле, а напротив него устроился

тщедушный, сутуленький Горбунков с седой щеткой усов, смахивавший на подсохшего пана Вотрубку из «Кабачка 13 стульев». Но голосище...

– Здравсте! – сказал я, выглядывая поверх картины, и натужно пошутил: – Вот, квартплату принес!

– Категорически и принципиально! – Юрий Михайлович с кряхтеньем поднял свой немалый организм. – Ну, показывайте, показывайте!

«Дядя Степа» заскреб ногами, пытаясь быстро встать, но вышло у него кое-как.

– Потерпи, Юра, дольше ждал! – загорланил он, топорща усы. – Ты, как мой внучек, терпенья совсем нету!

– Гвоздь нужен, – заявил я, осматриваясь.

Гостиную Кербель тоже обставил по моде тех времен, когда писали с «ятями» и «фитой». У стены громоздился монументальный полушкаф-полубуфет на ножках в форме львиных лап, с мраморной полкой, застекленными дверцами и выдвигаемыми ящичками. Посередине комнаты покоился большой овальный стол, накрытый вишневой скатертью с кистями, а в сторонке дожидалось музыканта пианино «Беккер», отливавшее тусклым черным лаком – углом свисала кружевная салфетка цвета снятого молока.

– Вот! – патетически воскликнул Юрий Михайлович, указуя на шляпку, выглядывавшую из узорчатых обоев. – С вечера вколотил. Дюбель! Слона выдержит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.